

ТЕМА 2
Индия в средние века (IV-X вв.) (2 часа)

- Индуизм: пантеон и основные идеи.
- Ислам в Индии: вопросы межкультурного диалога.
- Европейское проникновение в Индию.
- Средневековые «общеиндийские» империи: Делийский султанат, Виджаянагар, государство Великих моголов

Источники и литература:

- Бабур-намэ. Записки Бабура. Пер. М. Салье. Ташкент, 1958.
Бируни Абу Райхан. Избранные произведения. Т.2. Индия. Ташкент, 1963.
Законы Ману. – любое издание.
Книга Марко Поло. Пер. И.П. Минаева. М., 1955.
Никитин А. Хождение за три моря Афанасия Никитина. – любое издание.
Памятники истории и литературы Востока: период феодализма. М., 1986.

* * *

- Азимджанова С.А. Государство Бабура в Кабуле и Индии. М., 1977.
Алаев Л.Б. Сельская община в Северной Индии: основные этапы эволюции. М., 1981.
Алаев Л.Б. Южная Индия: социально-экономическая история 14-18 вв. М., 1964.
Алаев Л.Б. Средневековая Индия. СПб., 2003.
Ашрафян К.З. Делийский султанат: к истории экономического строя и общественных отношений (13-14 вв.). М., 1960.
Ашрафян К.З. Аграрный строй Северной Индии (13 – середина 18 вв.). М., 1965.
Ашрафян К.З. Феодализм в Индии: особенности и этапы развития. М., 1977.
Ашрафян К.З. Средневековый город Индии 13 – середины 18 вв.: проблемы экономической и социальной истории. М., 1983.
Васильев Л.С. История религий Востока. М., 1988.
Гусева Н.Р. Индуизм: история формирования и культовая практика. М., 1977.
Ислам в истории народов Востока. М., 1981.
Ислам: религия, общество, государство. М., 1984.
История Индии в средние века. М., 1968.
Конрад Н.И. Запад и Восток. Статьи. М., 1972.
Кудрявцев М.К. Кастовая система в Индии. М., 1993.
Куценков А.А. Эволюция индийской касты. М., 1988.
Маркс К. Британское владычество в Индии. Собр. соч. Изд. 2-е. Т. 9.
Маркс К. Будущие результаты британского владычества в Индии. Собр. соч. Изд. 2-е. Т. 9.
Медведев Е.М. Очерки истории Индии до 13 века. М., 1990.
Осипов А.М. Краткий очерк истории Индии до X в. М., 1948.
Шмидт Э. История человечества: Индия, Цейлон, Индокитай. М., 2003.

ТЕМА 4
Монгольская феодальная империя (2 часа)

1. Монгольское общество к началу XII века.
2. «Яса» Чингизхана.
3. Политическое и военное устройство Монгольской империи.

Доклады:

- Чингизхан как исторический персонаж.
- Елюй Чуцай и другие сподвижники Чингизхана.

Источники и литература:

- Ибн-Аль-Асир. Ал Камиль-фит-тарих. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. М.-Л., 1941.
- Козин С.А. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 года. М.-Л., 1941.
- Книга Марко Поло. М., 1955.
- Мункуев Н.Ц. Китайский источник о первых монгольских ханах. М., 1965.
- Мэн-Да-Бэй-Лу (Полное описание монголо-татар). Пер. Н.Ц.Мункуева. М., 1960.
- Образование Золотой Орды. Улус Джучи Великой Монгольской империи (1207-1266). Источники по истории Золотой Орды: от выделения удела Джучи до начала правления первого суверенного хана. Казань, 2008.
- Плано Карпини. История монголов. М., 1957.
- Путевые заметки китайца Чжан Дехоя во время путешествия его в Монголию в первой половине 13 столетия. Пер. П. Кафарова // Записки Сибирского отдела Императорского Русского Географического общества. Иркутск, 1867. Кн. 9, 10.
- Рашид Ад-дин. Сборник летописей. Пер. с персидского. Т. 1-3. М.-Л., 1946-1952, 1968.
- Рубрук Г. Путешествие в восточные страны. М., 1957.

* * *

- Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Соч. в 9 т. Т. 1. М., 1963.
- Безертинов Р.Н. Древнетюркское мировоззрение «тэнгрианство». Казань, 2006.
- Берган М. Империя монголов. М., 2007.
- Бернштам Е.И. Очерк истории гуннов. Л., 1951.
- Бичурин Н.Я. (Иакинф). История первых четырех ханов из дома Чингисова. СПб., 1828.
- Буниятов З.М. Государство хорезмшахов (1097-1231). М., 1986.
- Викторова Л.Л. Монголы: происхождение народа и истоки культуры. М., 1980.
- Владимирцов Б.Я. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. М.-Л., 1934.
- Воробьев М.В. Чжурчжэни и государство Цзинь (X в. - 1234 г.). М., 1975.
- Ганиев Р.Т. Восточно-тюркское государство в VI-VIII вв. Екатеринбург, 2006.
- Гумилев Л.Н. Поиски вымышленного царства. М., 2003.
- Гумилев Л.Н. Древние тюрки. М., 2002.
- Гумилев Л.Н. Тысячелетие вокруг Каспия. М., 2003.
- Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. М., 2008.
- Далай Чулуун. Монголия в 13-14 веках. М., 1983.
- Дальний Восток и Центральная Азия. М., 1985.
- Доманин А.А. Монгольская империя Чингизидов: Чингисхан и его преемники. М., 2007.
- Жуковская Н.Л. Категория и символика традиционной культуры монголов. М., 1988.
- История Монгольской Народной Республики. М., 1983.
- Капица М.С. Еще раз о роли Чингисхана в истории // Вопросы истории. 1988. №7.
- Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Государства и народы евразийских степей (древность и средневековье). СПб., 2004.
- Крадин Н.Н. Структура власти в государственных образованиях кочевников // Феномен восточного деспотизма. М., 1993.
- Кульпин Э.С. Человек и природа в Китае. М.: Наука, 1990.
- Кычанов Е.И. Жизнь Темучжина, думавшего покорить мир. М., 1973, 1998.
- Лэмб Г. Чингисхан. Властелин мира. М., 2002.

Маликов А.М. Тюрки в Среднеазиатском Междуречье в VI-VIII вв. // ИМКУ. – 2001. – Вып. 31. С. 6-7.

Петров А.М. Великий шелковый путь. М., 1995.

Плетнева С.А. Кочевники средневековья: поиски закономерностей. М., 1982.

Россаби М. Золотой век империи монголов. М., 2009.

Ру Ж. Чингисхан и империя монголов. М., 2005.

Скрынникова Т.Д. Монгольское кочевое общество периода империи // Альтернативные пути к цивилизации: Кол. монография / Под ред. Н.Н. Крадина, А.В. Коротаева, Д.М. Бондаренко, В.А. Лынши. М., 2000.

Скрынникова Т.Д. Харизма и власть в эпоху Чингис-хана. М., 1997.

Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981.

Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1977.

Файзрахманов Г.Л. Древние тюрки в Сибири и Центральной Азии. Казань, 2001.

Хара-Даван Э. Чингисхан. Великий завоеватель. М., 2008.

Худяков Ю.С. Вооружение кочевников Южной Сибири и Центральной Азии в эпоху развитого средневековья. Новосибирск, 1997.

МОНГОЛИЯ В 12-13 ВВ.

В Приложении содержатся фрагменты из средневековых источников, написанных разными авторами и в разное время. Обзор открывают два источника монгольского происхождения: «Яса» и «Сокровенное сказание» («Тайная история монголов»), появившиеся почти одновременно с созданием Монгольской империи Чингизханом, но уже после его смерти. Если «Яса» стала прямым результатом практической деятельности этого человека, то «Сокровенное сказание» создано его потомками, судя по наиболее установившейся версии его приемным сыном Шиги-Хутуху.

1. Приказано верить, что есть только один бог на земле, создатель неба и земли, что творит жизнь и смерть, богатство и бедность, как угодно ему и обладающий высшей властью.
2. Служители культа, врачи и омыватели тел освобождаются от всяких податей.
3. Подданным империи запрещено брать монголов себе в качестве рабов или прислуги.
4. Под страхом смертной казни, запрещено самовольно провозглашать себя императором, если на то нет решения курултая.
5. Запрещено вождям народов и кланов, подчинённых монголам, носить почётные титулы.

О войне:

6. Запрещено творить мир с всяким вождем, князем или народом, что не подчинился.
7. Все мужчины должны служить в войске, за редким исключением.
8. Все мужчины, не участвующие в войне, должны бесплатно работать на империю определённое время.
9. Организовывать войско следует из отрядов по 10, 100, 1000 и 10000 человек, чтобы можно было быстро собрать войско.
10. Каждый воин получает своё оружие из рук непосредственного командира перед началом похода. Каждый воин обязан следить за состоянием своего оружия, а командир проверять его перед началом битвы.
11. Под страхом смертной казни запрещено воинам грабить врага и мародерствовать, куда командующий не дал разрешения, а после такого разрешения солдаты, наравне с офицерами, имеют право на добытое, если они уплатили соответствующую часть императору.

12. Военная добыча должна делиться следующим образом:
 - a. 3/5 доставалось войску
 - b. 1/5 доставалась джихангиру (руководителю похода)
 - c. 1/5 доставалась императору
13. Для тренировки войска надлежит организовывать большую охоту каждую зиму, для чего запрещено с марта по октябрь убийство оленей, косуль и других самцов парнокопытных, а также зайцев, диких ослов и птиц.
14. Офицеры и вожди, не выполнившие задание или не явившиеся по зову хана, приговариваются к смерти. Если их проступок менее серьезен, им надлежит лично явиться к хану.

О браке:

15. Закон о браке требует, чтобы каждый мужчина выкупал свою жену, а родственные браки запрещены. Человек может жениться на двух сестрах, равно как и иметь несколько [конкубинаток](#).
16. Всякий замеченный в [адюльтере](#) наказывается смертью и виновные в нём могут быть убиты на месте.
17. Если две семьи желают объединиться посредством брака, но имеют лишь малолетних детей, то брак такой разрешить при условии, если один из детей мальчик, а другой девочка. В случае смерти детей брачный договор сохраняет свою силу.

О быте:

18. Женщины должны заниматься собственностью и хозяйством. Мужчины должны заниматься только охотой и войной.
19. Запрещено резать горло животным, добытым для еды. Животное надлежит связать, вскрыть ему грудь и охотник рукой должен вырвать ему сердце.
20. Разрешено употреблять в пищу кровь и внутренности животных, хотя ранее это было запрещено.
21. Запрещено, под страхом смертной казни, стирать бельё или купаться в проточной воде во время грозы.

О преступлениях:

22. Укравшего коня или вола или иную равноценную вещь, казнить, а тело расчленив надвое. За меньшее воровство наказать, сообразно ценности украденного, количеством ударов палки: 7, 17, 27 и до 700. Телесного наказания можно избежать, уплатив девятикратную стоимость украденной вещи.
23. Под страхом смертной казни, запрещено давать кров, еду и одежду беглым рабам. Тоже касается всякого, кто, встретив беглого раба, не привел его к хозяину.
24. Шпионов, лжесвидетельствующих и колдунов приговаривать к смерти.

(см.: Лэмб Г. Чингисхан. Властелин мира. Приложение. М., 2007)

II. Юность Чингиса

[...]

§ 98. Однажды, во время кочевки у Бурги-эрги, в истоках реки Келурена, чуть свет, в ту пору, когда начинает только желтеть воздух, поднялась Хоахчин-эмген, служанка в юрте матери Оэлун, поднялась и говорит:

«Поскорее вставай, мать. Слышен топот конский, земля дрожит. Уж не едут ли опять эти неотвязные Тайчиудцы? Тотчас вставай, мать!»

§ 99. Тотчас же встала и мать Оэлун, встала и велит поскорей разбудить ребят. Темучжин и другие ребята тоже не замедлили встать. Поймали лошадей и сели верхом: на одной лошади – Темучжин, на другой – Оэлун-эке, на третьей – Хасар, на четвертой – Хачиун, на пятой – Темуге-отчигин, на шестой – Бельгутаи, на седьмой – Боорчу и на восьмой – Чжелме. Темулуну же мать Оэлун держала у себя на руках, у груди. Одну лошадь приспособили в качестве заводной, так что для Борте-учжины не оставалось лошади.

§ 100. Темучжин с братьями тронулись и еще до зари поднялись на Бурхан. Спасая Борте-учжину, Хоахчин-эмген усадила ее в крытый возок, запрягла рябую в почках корову и тронулась вверх по речке Тенгели. Еще темнел бор по северным склонам. Светало. Вдруг навстречу им скачут, озираясь кругом, ратные люди. Подъехали к старухе и спрашивают: «Ты кто такая?» – «Я темучжиновская!» – говорит старуха Хоахчин. – «Езжу в большую *юрту* стричь овец. А сейчас еду домой». – «А Темучжин-то дома? Далеко ль до его *юрты*?» – спрашивают те. – «*Юрта*-то его близко, – говорит Хоахчин, – а дома ли он, нет ли, – того не знаю: я выехала с заднего двора».

§ 101. Ратники тотчас ускакали. Тут старуха Хоахчин принялась хлестать, подгонять свою рябобокую корову, да от спешки-то ось тележная и сломалась. Оставшись со сломанной осью, давай они уговариваться пешком пробраться в лес. Как вдруг подлетают к ним вскачь те самые, что и давеча ратники, а с ними Бельгутаева мать, которую вдвоем с одним из них посадили за седло: ноги ее свисали без опоры в стременах. Подлетают: «А в телеге у тебя что?» – спрашивают. – «Везу овечью шерсть!» – отвечает старуха Хоахчин. Тогда военные начальники говорят: «Слезай-ка, ребята, да посмотри!» Ребята слезли и приоткрыли дверцу крытого возка: «Да тут сама госпожа!» – говорят они и выволокли ее. Они посадили ее на коня сундлатом, вдвоем с Хоахчин, и поднялись на Бурхан, идя по следу Темучжина, по примятой траве.

§ 102. По следам Темучжина трижды они обошли Бурхан-халдун, но не могли его поймать. Метались туда и сюда, шли по его следу по таким болотам, по такой чаще, что сытому змею и не проползти. Однако изловить его все же не смогли. Оказывается, то были люди из трех Меркитских родов: Тохтоа из Удууд-Меркитского рода, Даир-Усун из Увас-Меркитского рода и Хаатай-Дармала из Хаат-Меркитского рода. За то, что когда-то у Чиледу была отнята Оэлун-эке, теперь они, в свою очередь, пришли отомстить. «Ну, теперь мы взяли пеню за Оэлун, забрали у них жен. Взяли-таки мы свое!» – сказали Меркиты и, спустившись с Бурхан-халдуна, тронулись по направлению к своим домам [...]

III. Разгром Меркитов. Наречение Темучжина Чингис-ханом

[...]

§ 110. Тою же ночью и весь Меркитский улус в панике бросился бежать вниз по течению реки Селенги, а наши войска ночью же гнали, губили и забирали в плен беглецов. Темучжин же, забегая навстречу бежавшим, все время громко окликал: «Борте, Борте!» А Борте как раз и оказалась среди этих беглецов. Прислушавшись, она узнала голос Темучжина, соскочила с возка и подбегает. Обе женщины, Борте и няня Хоахчин, сразу ухватились за знакомые оброты и поводья Темучжинова коня. Было мясочно. Взглянул он на Борте-учжину и узнал. Обняли они друг друга. В ту же ночь Темучжин послал сказать Тоорил-хану и *анде* Чжамухе: «Я нашел, что искал. Прекратим же ночное преследование и остановимся здесь». А относительно Меркитских беглецов надобно добавить, что и заночевали они на тех же местах, где ночь застигла их беспорядочное бегство. Вот как произошла встреча. Темучжина с Борте-учжин и освобождение ее из Меркитского плена.

§ 111. Как перед тем было рассказано, Меркитский Тохтоа, Увас-Меркитский Даир-Усун и Хаатайский Дармала, эти трое Меркитских вождей, с тремястами людей совершили поход с целью отомстить за то, что некогда Есугай-Баатур отбил Оэлун-эке у

Еке-Чиледу, который доводился младшим братом Тохтоа-беки. Тогда они трижды облагали гору Бурхан-халдун для поимки Темучжина и тогда же захватили в плен Борте-учжин. Ее они передали на волю младшего брата Чиледую, по имени Чильгир-Боко. В его-то воле она все время и находилась [...]

[...]

§ 124. По воцарении Чингис-хана приняли обязанность носить колчан: Оголай-черби, младший брат Боорчу, и братья Чжетаи и Дохолху-черби. Онгур же, Суюкету-черби и Хадаан-Далдурхан были поставлены кравчими-бавурчинами, так как они говорили:

«Что утром пить – не заставим ждать,
Что в обед испить – не будем зевать!»

[«Утреннего питья не заставим ждать, об обеденном питье не позабудем!»]

Дегай же сказал:

«Жирного барашка
Супу наварить
Утром не замедлю,
В ужин не забуду.
Не вместить в загоне –
Пестрого барана столько разведу.
Не вместить в хотоне –
Желтого барана столько распложу. На еду не горд я!
Требухую сыт!»

[«Поутру не упущу я сварить супу из отборного барана, к ужину (с едой) не опоздаю. Так буду пасти пестрых овец, что все промежутки заполню, так буду пасти бело-желтых овец, что весь загон переполню. Я ведь плохой обжора (лакомка): на попасе овец буду кормиться и требухой!».]

Поэтому Дегаю он поручил заведовать овечьим хозяйством. Младший его брат Гучугур сказал:

«У коляски с замком
И чеке потеряться не дам я.
Я коляску искусной работы
На шляху проведу без изъяна».

[«У замочной телеги-чеки ее не запропащу; телегу с осью на большой дороге (на шляху) не растрясусь».]

Ему и было поручено заведовать кочевыми колясками. Додай-черби получил в свое ведение всех домочадцев и слуг. Мечниками, под командой Хасара, были назначены Хубилай, Чилгутаи и Харгай-Тохураун. И сказал им хан:

«Тем, кто на шею другому садится,
Шею наотмашь рубите!
Тем, кто не в меру кичлив,
Напрочь ключицу смахните!"

[«Облегчайте шею тем, кто будет насильничать, рубите, ключицы тем, кто будет зазнаваться!».]

Бельгутею и Харалдай-Тохурауну было повелено:

«Вы меринов принимайте,
Актачинами ханскими будьте!»

[«Пусть эти двое примут меринов, пусть будут конюшими-актачинами!».]

Тайчиудцев Хуту, Моричи и Мулхалху он назначил заведовать табуном. Архай-Хасару, Тахаю, Сукегаю и Чаурхану повелел:

«Вы же будьте моими разведчиками,
будьте моими
Дальними стрелами-хоорцах,

Ближними стрелами-*одора!*»

[«Вы будьте дальними стрелами-*хоорцах*, да ближними-*одора!*»]

А Субеетай-Баатур сказал так:

«Для тебя обернуся я мышкой –
Буду в дом собирать-запасать.
Обернувшись черной вороной –
Все, что под руку, в дом загребать.
Обернуся я теплой попоной –
Буду тело твое согревать.
Обернусь я покровной кошмою –
Буду *юрту* твою покрывать».

[«Обернувшись мышью, буду собирать-запасать вместе с тобою. Обернувшись черным вороном, буду вместе с тобою подчищать все, что снаружи. Обернувшись войлоком-нембе, попробую вместе с тобой укрываться им; обернувшись *юртовым* войлоком-герисге, попробую вместе с тобой им укрыться».]

[...]

V. Разгром татар. Разрыв с Ван-ханом

[...]

§ 165. Чингис-хан же задумал еще усугубить их взаимную приязнь. Для этого он решил попросить для Чжочи руки Сангумовой младшей сестры, Чаур-беки, и в свою очередь, выдать нашу Хочжин-беки за Тусаху, сына Сангума. С этим предложением он и обратился. Тут Сангум, вздумав повелиться своею знатностью, сказал такие слова: «Ведь нашей-то родне придется, пожалуй, сидеть у вас около порога, да только невзначай поглядывать в передний угол. А ваша родня должна у нас сидеть в переднем углу да глядеть в сторону порога». Эти слова говорил он с явным умыслом почваниться собой и унижить нас. Видимо, вовсе не соглашаясь на брак Чаур-беки, они не хотели связать себя словом. Во время этих переговоров Чингис-хан внутренне охладел и к Ван-хану и к Нилха-Сангуму.

VII. Керейты и их монгольские союзники во главе с Чжамухой передаются найманам. Смерть Ван-хана. Разгром найманов и меркитов

[...]

§ 191. Понравилось это слово Бельгутаю Чингис-хану. Остановив охоту, он выступил из Абчжиха-кодегера и расположился лагерем по Халхе, в урочища Орноуйн-кельтегай-хада. Произвели подсчет своих сил. Тут он составил тысячи и поставил *нойонов*, командующих тысячами, сотнями и десятками. Тут же поставил он *чербиев*. Всего поставил шесть *чербиев*, а именно: Додай-черби, Дохолху-черби, Оголе-черби, Толун-черби, Бучаран-черби и Сюйкету-черби. Закончив составление тысяч, сотен и десятков, тут же стал он отбирать для себя, в дежурную стражу, *кешиктенов*: 80 человек *кебтеулов*, – ночной охраны, и 70 человек *турхаудов*, – дневной гвардейской стражи. В этот отряд по выбору зачислялись самые способные и видные наружностью сыновья и младшие братья *нойонов*, тысячников и сотников, а также сыновья людей свободного состояния (*уту-дурайн*). Затем была отобрана тысяча богатырей, которыми он милостивейше повелел командовать Архай-Хасару и в дни битв сражаться пред его очами, а в обычное время состоять при нем *турхах-кешиктенами*. Семьюдесятью *турхаудами* поведено управлять Оголе-чербию, по общему совету с Худус-Халчаном.

§ 192. Кроме того, Чингис-хан издал такое повеление: «Стрельцы, *турхауты*, *кешиктены*, кравчие, вратари, конюшие, вступая в дежурство утром, сдают должность *кебтеулам* перед закатом солнца и отправляются на ночлег к своим коням. *Кебтеулы*, расставив кого следует на дежурство при вратах, несут ночную *караульную* службу вокруг дома. Наутро, в ту пору, когда мы сидим за столом, вкушая суп-*шулен*, стрельцы,

турхауты, кравчие и вратари, сказавшись *кебтеулам*, вступают каждый в свою должность и располагаются по своим постам. По окончании своего трехдневного и трехнощного дежурства, они сменяются указанным порядком и, по истечении трех ночей, вступают ночными *кебтеулами* и несут *караульную* службу вокруг». Итак, покончив с составлением тысяч, поставив *чербиев*, учредив отряд *кешиктенов* в 80 *кебтеулов* и 70 *турхаудов*, отобрав богатырей для Архай-Хасара, он выступил в поход на Найманский народ с урочища Орноуйн-кельтегай-хада на Халхе. [...]

**VIII. Кучулук бежит к *гур-хану* хара-китадскому на реку Чуй,
а Тохтоа – к кипчакам. Чжебе послан преследовать Кучулука,
а Субеетай – Тохтоая. Смерть Чжамухи. Воцарение Чингиса.
Награды и пожалования сподвижникам.**

[...]

§ 202. Когда он направил на путь истинный народы, живущие за войлочными стенами, то в год *Барса* (1206) составил сейм, и собрались у истоков реки Онона. Здесь воздвигли девятибунчужное белое знамя и нарекли *ханом* – Чингис-хана. Тут же и Мухалия нарекли *Го-ваном*. И тут же повелел он Чжебею выступить в поход для преследования Найманского Кучулук-хана. По завершении устройства Монгольского государства, Чингис-хан соизволил сказать: «Я хочу высказать свое благоволение и пожаловать *нойонами*-тысячниками над составляемыми тысячами тех людей, которые потрудились вместе со мною в созидании государства». И нарек он и поставил *нойонами*-тысячниками нижепоименованных девяносто и пять *нойонов*-тысячников: 1) Мунлик-эциге; 2) Боорчу; 3) Мухали-Го-ван; 4) Хорчи; 5) Илугай; 6) Чжурчедай; 7) Хунан; 8) Хубилай; 9) Чжельме; 10) Туге; 11) Дегай; 12) Толоан; 13) Онгур; 14) Чулгетай; 15) Борохул; 16) Шиги-Хутуху; 17) Гучу; 18) Кокочу; 19) Хоргосун; 20) Хуилдар; 21) Шилугай; 22) Чжетай; 23) Тахай; 24) Цаган-Гова; 25) Алак; 26) Сорхан-Шира; 27) Булган; 28) Харачар; 29) Коко-Цос; 30) Суйкету; 31) Наяя; 32) Чжунсу; 33) Гучугур; 34) Бала; 35) Оронартай; 36) Дайр; 37) Муге; 38) Бучжир; 39) Мунгуур; 40) Долоадай; 41) Боген; 42) Худус; 43) Марал; 44) Чжебке; 45) Юрухан; 46) Коко; 47) Чжебе; 48) Удутай; 49) Бала-черби; 50) Кете; 51) Субеетай; 52) Мунко; 53) Халчжа; 54) Хурчакхус; 55) Гоуги; 56) Бадай; 57) Кишлык; 58) Кетай; 59) Чаурхай; 60) Унгиран; 61) Тогон-Темур; 62) Мегету; 63) Хадаан; 64) Мороха; 65) Дори-Буха; 66) Идухадай; 67) Ширахул; 68) Давун; 69) Тамачи; 70) Хауран; 71) Алчи; 72) Тобсаха; 73) Гунгуйдай; 74) Тобуха; 75) Ачжинай; 76) Туйгегер; 77) Сечавур; 78) Чжедер; 79) Олар-гурген; 80) Кинкиядай; 81) Буха-гурген; 82) Курил; 83) Аших-гурген; 84) Хадай-гурген; 85) Чигу-гурген; 86) Алчи-гурген; 87–89, (три тысячника на) три тысячи икиресов; 90) Онгудский Алахуш-дигитхури-гурген и 91–95) (пять тысячников на) пять тысяч Онгудцев. Всего, таким образом, Чингис-хан назначил девяносто пять (95) *нойонов*-тысячников из Монгольского народа, не считая в этом числе таковых же из Лесных народов.

§ 203. Однако в этом числе полагаются и *ханские* зятья. Учредив тысячи и назначив *нойонов*-тысячников, тут же Чингис-хан повелеть соизволил: «Пусть позовут ко мне *нойонов* Боорчи, Мухали и других, которых я намерен пожаловать за особые заслуги!» В *юрте* же оказался при этом случае один Шиги-Хутуху. Чингис-хан и говорит ему: «Сходи, позови!» Тогда Шиги-Хутуху ответил: «А эти Боорчу с Мухалием и прочие

Больше кого потрудились,
Больше кого заслужили они?
Чем же я недостоин награды,
В чем недостаточно я послужил.

* * *

Кажется, я с колыбели
Вот до такой бороды,
Рос у тебя за порогом высоким

И своего никогда не помыслил.

* * *

Помню в штаны еще крошкой пускал,
Но уж стоял у тебя за порогом златым.
Вот и усами закрылись уста –
Разве роптал на усталость когда?

* * *

Ведь на коленях баюкая,
Сыном растили меня.
Рядом постель постилали,
Братом считая родным

[«Больше кого же они потрудились? А у меня разве не хватает заслуг для снискания милости? Разве я в чем-либо не доволен потрудился.

С колыбели я возрастал у высокого порога твоего до тех пор, пока бородой не покрылся подбородок, и никогда, кажется я не мыслил иначе с тобой.

С той поры еще, как я пускал в штаны, состоял я у золотого порога твоего, рос, пока рот не закрыли усы, и никогда, кажется, я не тяготился трудами (заботами).

На коленях качивая, вырастили ведь меня здесь, как сына. Рядом спать постилали; вырастили ведь здесь меня как брата...».]

Итак скажи, какую же награду пожелаешь ты мне?» На эти слова Чингисхан ответил Шиги-Хутуху: «Не шестой ли ты брат у меня? Получай в удел долю младших братьев. А за службу твою да не вменяются тебе в вину девять проступков!» – сказал он и продолжал. «Когда же с помощью Вечного Неба будем преобразовывать всенародное государство, будь ты оком смотрения и ухом слышания! Произведи ты мне такое распределение разноплеменного населения государства: родительнице нашей, младшим братьям и сыновьям выдели их долю, состоящую из людей, живущих за войлочными стенами, так называемых подданных (*ирген*); а затем выдели и разверстай по районам население, пользующееся деревянными дверьми. Никто да не посмеет переиначивать твоего определения!» Кроме того, он возложил на Шиги-Хутуху заведование Верховным общегосударственным судом – Гурдерейн-Дзаргу, указав при этом: «Искореняй воровство, уничтожай обман во всех пределах государства. Повинных смерти – предавай смерти, повинных наказанию или штрафу – наказуй». И затем повелел: «Пусть записывают в Синюю роспись «Коко Дефтер-Бичик», связывая затем в книги, росписи по разверстанию на части всеязычных подданных «гур-ирген», а равным образом и судебные решения. И на вечные времена да не подлежит никакому изменению то, что узаконено мною по представлению Шиги-Хутуху и заключено в связанные (прошнурованные) книги с синим письмом по белой бумаге. Всякий виновный в изменении таковых подлежит ответственности». Говорил ему Шиги-Хутуху: «Как же может приемный брат, как, например, я сам, получать наследственную долю наравне с единокровными младшими братьями? Не благоугодно ли будет *кагану* выделить мне долю из городов с населением, пользующимся глинобитными стенами?» – «Сам будешь производить исчисление, сам и сделай это по своему усмотрению!» – ответил на это государь. Добившись для себя таких милостей, Шиги-Хутуху вышел, позвал и ввел *нойонов* Боорчи, Мухали и прочих.

[...]

§ 207. Сказал Чингис-хан Хорчию: «Ты предсказал мне будущее, с юности моей и по сей день в мокроть мок со мною, в стужу – коченел. Ты, Хорчи, помнишь, говорил: «Когда сбудется мое предсказание, когда Небо осуществит твои мечты, дай мне тридцать жен. А так как ныне все сбылось, то я и жалую тебя: выбирай себе тридцать жен среди первых красавиц этих покорившихся народов». И он повелел: «Пусть Хорчи ведает не только тремя тысячами Бааринцев, но также и пополненными до тьмы Адаркинцами, Чиносцами, Тоолесами и Теленгутами, совместно, однако, с (тысячниками) Тахаем и Ашихом. Пусть он невозбранно кочует по всем кочевьям вплоть до приэрдышских

Лесных народов, пусть он также начальствует над тьмою Лесных народов. Без разрешения Хорчи Лесные народы не должны иметь права свободных передвижений. По поводу самовольных переходов – нечего задумываться!»

[...]

IX. Продолжение предыдущей. Преобразование гвардии

[...]

§ 210. Генигесскому же Хунану Чингис-хан сказал так: «Я скажу, чем был для вас этот Хунан. Для вас Боорчу с Мухалием и прочими *нойонами*, как и для вас Додай с Дохолху и прочими *чербиями*:

В черную ночь обернется он волком,
Белым же днем – черным вороном станет.
Коли стоянка – не тронется с места,
Коли поход – остановок не знает.
Перед высоким – не знал лицемерья,
Как откровенности – перед врагом.

[«Черною ночью – черным вороном: белым днем – волчьим кобелем оборачивался. Кочевать – так не отдыхал; отдыхать – так не кочевал. С гордым (знатным) человеком – в другую личину не рядился (не менял лица). С человеком врагом – лица не ронял...».]

А потому ничего не предпринимайте, не посоветовавшись с Хунаном и Косо-Цосом!» – сказал он и продолжал: «Чжочи – мой старший сын, а потому тебе, Хунан, надлежит, оставаясь во главе своих Генигесцев в должности *нойона-темника*, быть в непосредственном подчинении у Чжочи». Так повелел он и сказал: «Эти четверо – Хунан с Косо-Цосом да Дегай с Усун-Евгеном – из таких людей они, которые виденного не скроют, слышанного не утаят».

[...]

X. Гвардия Чингис-хана. Похвала гвардии. Покорение уйгуров и лесных народов. Распределение уделов. Расправа с волхвом Теб-Тенгрием

[...]

§ 232. Еще говорил Чингис-хан: «В ведении *кебтеулов* состоят придворные дамы-*чербин* и девушки, домочадцы, верблюжьи пастухи – *темчины* и коровьи пастухи – *хукерчины*; на попечении тех же *кебтеулов* находятся и дворцовые *юрты*-телеги. Знамена, барабаны и копейные древка также хранят *кебтеулы*. Они же имеют наблюдение и за нашим столом. Равным образом *кебтеулы* имеют наблюдение за тем жертвенным мясом и пищей, которые предназначаются для тризн на могильниках. Всякие растраты продовольственных припасов взыскиваются с заведывающих таковыми *кебтеулов*. При раздаче питья и кушаний, стрельцы-*хорчины* обязаны начинать раздачу с *кебтеулов*, самую же раздачу производить не иначе, как по разрешению *кебтеулов*. *Кебтеулы* имеют наблюдение за всеми входящими и выходящими из дворца. При дверях должен постоянно дежурить дверник-*кебтеул*, около самой *юрты*. Двое из *кебтеулов* состоят при Великой виннице. От *кебтеулов* же назначается кочевщик-*нунтуучин*, который устраивает на стоянку и дворцовые *юрты*. Когда мы отбываем на соколиную охоту или звериную облаву, в таковых наших занятиях принимают участие и *кебтеулы*, оставляя, однако, известную часть *кебтеулов*, соображаясь с обстоятельствами и временем, при *юртовых* телегах».

§ 233. И еще говорил Чингис-хан: «Если мы самолично не выступаем на войну, то и *кебтеулы* без нас да не выступают на войну. При таком нашем ясном повелении будем привлекать к строжайшей ответственности тех ведающих военными делами *чербиев*, которые пошлют *кебтеулов* на войну, злонамеренно нарушив наше повеление. Вы спросите, почему же не подлежат посылке на войну *кебтеулы*? Прежде всего потому,

что именно *кебтеулы* пекутся о нашей золотой жизни. А легко ли проводить ночи, охраняя нашу особу? Легко ли попечение о Великом *Аурухе* и во время ночевки и на стоянках? Итак, без нас самих не отправлять на войну людей обремененных столь сложными и многообразными обязанностями. Быть по сему!»

§ 234. И еще повелеть соизволил государь Чингис-хан: «*Кебтеулы* принимают участие в разрешении судебных дел в Зарго, совместно с Шиги-Хутуху. Под наблюдением *кебтеулов* производится раздача сайдаков, луков, панцирей и пик. Они же состоят при уборке мерин и погрузке вьючной клади. Совместно с *чербиями кебтеулы* распределяют ткани. При назначении стоянки для стрельцов-*хорчинов* и дневной стражи *турхаутов*, с правой стороны от дворца надлежит располагать Есунтеевых и Букидаевых стрельцов и Алчидаеву, Оголееву и Ахутаеву дневную стражу. С левой стороны от дворца располагаются *турхауты* Буха, Додай-чербия, Дохолху-чербия и Чаная. Архаевы богатыри должны занимать пост перед дворцом. *Кебтеулы*, на попечении которых находятся дворцовые *юрты-телеги*, держатся возле самого дворца, с левой стороны от него. Додай-черби, управляя дворцовыми делами, заведует также и всеми окружающими дворец *кешиктенами-турхаутами*, дворцовыми домочадцами, конюхами, овчарами, верблюжьими и коровьими пастухами. Заведывая всем этим, Додай-черби располагается в тылу. Он, как говорится, «отбросом питается, конским пометом теплится». [...]

(Цит. по кн.: *Образование Золотой Орды. Казань: Татаркнигоиздат, 2008. С. 8-16*)

В «Кратких сказаниях о черных татарах» южносунских дипломатов Пэн Да-Я и Сюй Тина, путешествовавших по Северному Китаю и монгольским степям содержится материал о быте и нравах монголов, история возвышения Темучина и описание его ближайшего окружения.

[...]

«Государство черных татар (т.е. северного шаньюя) называется Великой Монголией. В пустыне имеется гора Мэнгушань, а в татарском языке серебро называется мэнгу. Чжурчжэни называли свое государство «Великой золотой династией», а потому и татары называют свое государство «Великой серебряной династией».

Тот их правитель, который первым узурпировал титул императора, звался детским именем Тэмочжэнь, а по узурпированному им титулу императором Чэнцзисы. Нынешний их правитель зовется детским именем Укудай. Вместе с ним узурпировали титулы всего восемь человек.

Его сыновей зовут Кодуань, Кочу, Хэсидай поставлен незаконным наследником престола, изучает китайский язык, и его учителем является секретарь Ма и Хэлачжи.

У него четыре министра: Аньчжидай ([по национальности] черный татарин, умен и решителен), Ила Чу-цай (по прозвищу Цзинь-циу, [по национальности] киданец; иные называют его чжун-шу ши-лан) и Няньхэ Чун-шань ([по национальности] чжурчжэнь, некоторые называют его цзян-цзюнь), которые совместно ведают делами [относящимися к] китайцам, [а также] Чжэньхай (мусульманин), который специально ведает делами, [относящимися к мусульманским странам].

Когда [я, Сюй] Тин прибыл в степи, Аньчжидай уже не являлся [министром]. [К этому времени] Няньхэ Чун-шань уехал с незаконным царевичем Цюйчжу для вторжения на юг. Когда в следующем году Цюйчжу умер, Аньчжидай заменил его [на посту командующего экспедиционными войсками], а Няньхэ Чун-шань помогал ему, как и раньше [царевичу Кучу]. Ила Чу-цай и Чжэньхай, которые сами называют себя титулами чжун-шу сян гун, вместе управляют государственными делами; Чжэньхай управляет не только мусульманами. У татар нет названия сян и называют их [т.е.

вышеуказанных лиц] *только бичэчэ, а бичэчэ на китайском языке означает линши. Им приказано вестать только официальными бумагами.*

Местность у них за Цзюйюн (в 100 с лишним ли к северо-западу от Янь) постепенно становится возвышеннее и шире, а за Шацзин (в 80 ли от уездного города Тяньпаньсянь) кругом ровная и просторная, пустынная и бескрайняя.

[Здесь] изредка встречаются дальние горы – на первый взгляд как будто высокие и крутые, [но] когда подъезжаешь [к ним] ближе, [они] оказываются только покатыми холмами. Эта местность вообще покрыта сплошь песком и камешками.

Песок и камешки, которые [я, Сюй] Тин видел, также не были крупные: лишь мелкий песок и маленькие камешки.

У них климат холодный. [Здесь] не различаются четыре времени и восемь сезонов года (например, в «Пробуждении насекомых» не было гроз). В четвертую луну и в восьмую луну часто идет снег. Погода меняется мало [в зависимости от времен года]. За последнее время к северу от заставы Цзюйюнгунань, например, в Гуаньшань, Цзиньянчуань и других местах падает снег даже и в шестую луну.

Когда [я, Сюй] Тин ночевал под горой Ехулин на обратном пути из степей, был как раз пятый день седьмой луны, и когда [я] встал утром, было крайне холодно, [так что] замерзли руки и ноги.

Дикие травы, которые у них растут, начинают зеленеть в четвертую луну и в шестую луну начинают расцветать, а в восьмую луну высыхают. [Там] ничего не растет, кроме травы.

Их домашние животные: коровы, лошади, собаки, овцы и верблюды. У овец северных племен шерсть пышная и веерообразный курдюк. Китайские овцы называются [у них] «гулюй». [У них] есть верблюды двугорбые, одногорбые и совсем без горба.

Как [я, Сюй] Тин видел, в степях коровы все только желтые, ростом с южнокитайского буйвола и самые выносливые. Так как [татары] не пашут, то [быки] используются только в упряжку. У большинства быков не продето [кольцо] через нос.

Они (черные татары) живут в куполообразных хижинах (т.е. в войлочных шатрах). У них не строятся города со стенами и [каменные] здания. [Они] кочуют с места на место в зависимости от [наличия] воды и травы [для скота] без постоянных [маршрутов].

Татарский правитель перевозит [свои] шатры вслед за ними и занимается охотой, устраивая загоны. Когда вслед за ним отправляются все незаконные чиновники, то [это] называется «поднять лагерь». Их повозки тащат быки, лошади и верблюды. На повозках [устраиваются] комнаты, в которых можно сидеть и лежать. Их называют «повозками-шатрами». В повозке по четырем углам втыкаются либо палки, либо же доски и соединяются накрест вверху. Этим выражается почтение к Небу. Это называется [знаком моления о] пище.

[При перекочевках] повозки передвигаются по пять в одном ряду. [При сборах для перекочевки они], как вереницы муравьев, как нити при плетении веревки, тянутся [к одному месту] справа и слева на [протяжении] пятнадцати ли. Когда [колонна из съехавшихся повозок] выпрямляется и половина [их] достигает воды, то [колонна] останавливается. Это называется «установкой лагеря».

Шатер правителя располагается один впереди всех, [входом] к югу, за ним – [шатры его] жен и наложниц, а за ними – [шатры] незаконных [членов] свиты и телохранителей, а также незаконных чиновников.

Вообще место расположения охотничьего шатра татарского правителя всегда называется «волито».

Что касается его золотого шатра стойки [внутри] сделаны из золота. Поэтому [шатер] называется золотым и когда [вместе с ним] ставятся шатры всех незаконных императриц вместе со стойбищем [других подданных], то [это] называется «большой ордой».

У них [для стоянок выбирается] местность, изрезанная большими и малыми холмами, для того чтобы [возвышенности] уменьшали силу ветра.

[Перекочевки у них происходят] подобно [выбору] стоянок [во время] перемещения императорского поезда у китайцев [при путешествиях императора]: также не существует определенных [мест] остановок, и переселение производится то через месяц, то через квартал.

Когда [я, Сюй] Тин прибыл в степи, [черные татары] поставили золотой шатер. [Я] думаю, что они поставили его, чтобы показать [свое] величие, потому что прибыл [к ним] посол, лично посланный императором нашей династии. Когда перед [нами] прибыл [к ним] Цзоу с миссией, [золотой, шатер] не ставился, а когда после [нас] посол Чэн и вслед за ним Чжоу прибыли [к ним] с миссиями, [также] никогда не ставился [золотой шатер].

Его (золотой шатер) сделали из больших [кусков] войлока, которые [катают] в степях. [Этот] шатер покрыт войлоком сверху донизу. Посередине [купола сверху] в связанных ивовых прутьях [на которых держится войлок] оставлено отверстие для света.

[Войлок на каркасе из ивы] затягивается более чем тысячью веревок. [У шатра только] одна дверь. Порог и стойки все облицованы золотом, поэтому-то [шатер] и называется [золотым]. Внутри [этого шатра] вмещается несколько сот человек. Кресло, в котором восседает татарский правитель в [этом] шатре, – как сидение проповедника в буддийском монастыре и так же украшено золотом. Жены императора восседают в порядке, в зависимости от степеней, [ровно] как у барьера.

Однако [у татар] куполообразные хижины бывают двух видов. В тех, которые изготавливаются в Яньцзине, каркас, сделанный из ивовых прутьев, совершенно похож на [дно] бамбукового сита, [которое делается из плетеного бамбука] на юге [Китая] и сворачивается и разворачивается. Дверь выходит вперед (т.е. в южную сторону). Верх [изнутри] похож на каркас зонтика. На самой верхушке каркаса [посередине] прodelывается отверстие, которое называется верхним окном. Весь [каркас] снаружи покрывается войлоком. [Такой шатер] можно перевозить на лошадях вьюком.

В тех [шатрах], которые изготавливаются в степях, круглые стены сплетаются из ивовых прутьев и закрепляются волосяными веревками. [Они] не сворачиваются и не разворачиваются, а перевозятся на повозках.

Когда вода и травы иссякают [в данном кочевье], то [черные татары] перекочевывают в другое место. Определенных дней, [перекочевков, которые были бы установлены] с самого начала, не существует.

Они питаются мясом, а не хлебом. Они добывают на охоте зайцев, оленей, кабанов, сурков, диких баранов (из костей их позвоночника можно делать ложки), дзеренов (спины у них желтые, а хвост величиной с веер), диких лошадей (по виду они похожи на ослов) и рыбу из рек (ее можно ловить после наступления морозов). [Татары] больше всего разводят овец и употребляют [их мясо] в пищу. За ними следует крупный рогатый скот.

[Татары] не забивают лошадей, если не [устраивается] большой пир. [Мясо они] жарят на огне в девяти [случаях] из десяти, а в двух-трех [случаях] из десяти варят его в чане о трех ногах.

[Когда садятся за еду], режут мясо на куски и сперва отведывают [его сами], а затем дают есть другим.

[Я, Сюй] Тин, прожив в степях более месяца, никогда не видел, чтобы татары резали крупный рогатый скот на мясо.

Они пьют кобылье молоко и простоквашу из овечьего и коровьего молока. Например, [человек] А, первый наливший [кобылье молоко], непременно пьет его сам, и только после этого дает пить лицу Б [из этой же чашки]. Б, прежде чем пить, подает чашку А. [В это время] В и Г чмокают губами. Это называется «вкушанием». [Лицо] А [в свою очередь] не пьет и тотчас же передает [чашку] В, чтобы тот выпил. В выпивает и,

зачерпнув [кобылье молоко], угощает [им лицо] Б. Б снова отказывается пить и дает пить [лицу] Г. Г совершает такой же обряд, как и В, и только теперь [лицо] Б выпивает и, зачерпнув [молоко], угощает [им] А. А снова в таком же порядке наливает [им кобылье молоко] и дает пить [лицам] В и Г. Это называется «обменом кубками». Первоначально это делалось для того, чтобы предостеречься от отравления, но в дальнейшем превратилось в постоянный обычай.

Из приправ у них только одна соль.

Когда [я, Сюй] Тин, выехав из Цзюйюнгуаня и проехав еще тысячу с лишним ли за Ехулин, прибыл в степи к озеру под названием Цзелипо, то [оказалось, что] вода в нем к вечеру сгущается и ночью образуется соль. [Сюда] приезжают купцы с крупами и обменивают [их на соль]. [Сбыт соли] достигает нескольких тысяч даней в год. Проехав еще дальше в глубь [степей], [я] увидел, что соль, которую употребляют в пищу черные татары, называется «доу-янь». Она по цвету, как снег, а по виду и размеру [кристаллов], как зуб и снизу [кристалла] ровная, как [дно меры сыпучих тел] доу. Поэтому-то [она] и называется «доу-янь». Ибо это самая отборная соль.

Еще более к северу земли у них в большинстве случаев солончаковые. Здесь травы подходят для лошадей.

Они готовят пищу на травяном угле (коровий и конский помет).

В их светильниках травяной уголь используется как фитиль, а бараний жир – как масло.

Их обычай – стрельба из лука и охота. Когда их правитель устраивает облавную охоту, всегда непременно собираются большие массы людей. [Они] выкапывают ямы и втыкают [в них] колья. [Последние] соединяются между собой волосяными веревками, а [к веревкам] привязываются [лоскутки] войлока и птичьи перья. [Это] как при ловле зайцев при помощи сети у китайцев.

[Веревки] тянутся [кругом] до 100–200 ли. Так как на ветру колышутся перья [и лоскутки войлока], то перепуганные звери не осмеливаются перебежать. После этого [люди] окружают [огороженный участок, постепенно] прижимая [зверей к середине круга], ловят и бьют [их]. [Я, Сюй] Тин в пути видел, что татары считают [для себя] довольно большой тяжестью добычу волосяных веревок и войлока. У большинства стационарных лошадей, на которых [я, Сюй] Тин ехал, были срезаны гривы. Когда [я] спрашивал татар [о причине этого], то [они] отвечали, что [они] сделали из них веревки и сдали их в волито для использования на охоте.

Облавные охоты [у черных татар] начинаются с девятой луны и прекращаются во вторую луну. Так как во время охоты [люди] все время едят мясо, добытое ими на охоте, то [в это время] мало режут овец.

[Что касается] их головных уборов, [то они] распускают волосы и завязывают [их] в узлы. Зимой они носят шапки, а летом – шляпы из бамбуковой щепы. Женщины носят на голове гу-гу.

[Я, Сюй] Тин видел, что у них при изготовлении гу-гу каркас делается из раскрашенного дерева и обертывается красным шелком или золоченой шелковой материей, а к самой макушке прикрепляется ветка ивы или [сделанная] из железа длиной 4–5 чи и обертывается темно-синим войлоком, [причем] у людей из верхов [общества] она украшается цветами из зеленых перьев зимородка или [кусками] разноцветных шелковых тканей из нашего государства, а у людей из низов [общества] – фазаньими перьями. Красивые женщины мажут лицо волчьим пометом.

У их верхнего платья пола запахивается направо, а борт квадратный. Раньше [оно шилось] из грубого сукна и кожи, а теперь из полотна, шелковых тканей и вышитого золотом шелка. Цвет выбирается красный, фиолетовый, пурпуровый и зеленый. Рисунки [на тканях – изображения] Солнца, Луны, дракона и феникса. [И это] без различий между благородными и подлыми.

[Я, Сюй] Тин в свое время также изучал его (верхнее платье черных татар). [Оно] шито точно как по образцу древнего шэнь-и. Один только борт, как у верхнего платья даосского монаха в нашем государстве. Борт назван квадратным, потому что [он] по виду, как четырехугольник. Что касается воротничка, то китайцы [на своих халатах] делают такой же. Татарский правитель, а также чжун-шу [лин] и другие люди из высшего круга не носят [таких халатов]. На указанном [платье] по поясу сделано бесчисленное множество мелких складок. Например, на шэнь-и было только 12 полос, а у татар больше складок. Кроме того, [татары] скручивают [полоску] красного или фиолетового шелка и [перевязывают платье] поперек по талии. Эту [полоску шелка] называют поясом. Вероятно, [они] хотят, чтобы [у них] при езде верхом пояс был туго обтянут, ярко выделялся и выглядел красиво.

Что касается их языка, то [они пользуются только] устным языком и не имеют письменности. [Слова] в большинстве случаев по происхождению заимствованы [из других языков] и [только] обозначены [своими] звуками. Когда толкуют их для понимания [другими лицами], то это называется переводом.

Что касается их имен, то [у них] существуют [только] детские имена, но нет фамилий и прозвищ [как у китайцев]. Когда в душе возникает подозрение, [что имя не предвещает благополучия], то меняют его.

[Я, Сюй] Тин [также] видел, что у них от высших и до низших всех зовут только детскими именами, т.е. никогда [у них] не было фамилий. [У них] также не существует названий должностей. Например, если [человек] ведает документами, то [он] называется бичэчэ; если [человек] управляет народом, то [он] называется далухуачи, а если [человек] состоит в императорской охране, то [он] называется холучи. Что касается министров, т.е. [Елюй] Чу-цая и других, то [они] только сами назвали себя чжуншу сянгун, а что касается Ван Цзи, то [он] назвал себя инь цин гуан лу дайфу, юйши дайфу, сюаньфу ши и жуго ши. [Эти должности и титулы] первоначально не были пожалованы [им] татарским правителем.

Что касается их обрядов, то [они] обнимают друг друга вместо [приветствия] соединением рук со сжатыми кулаками и опускаются на левое колено вместо того, чтобы опускаться на оба колена [как у китайцев].

[Я, Сюй] Тин видел, что они обнимают друг друга [в знак приветствия], как будто обхватывают [один другого].

Что касается [различия между] местами у них [по почетности], то самым почетным считается центр, за ним идет правая [сторона], а левая [сторона] считается еще ниже.

Что касается их календаря, то [они] раньше пользовались знаками двенадцатилетнего цикла [например, [год] цзы назывался годом мыши, и т.д.], а ныне пользуются чередованием шести цзя (например, говорят: 1-й или 30-й день 1-й луны года цзя-цзы). Всему [этому] научили их китайцы, кидани и чжурчжэни. Что касается коренного обычая татар, то [они] не понимали [что такое календарь]. [У них] существовал только [обычай]: когда зеленела трава, то считалось, что прошел целый год, а когда впервые появлялся новый месяц, то считалось, что прошел месяц. Когда люди спрашивают их, сколько им лет, то [татары] подсчитывают на пальцах, сколько раз зеленела трава [за всю их жизнь].

[Я, Сюй] Тин [в городе] Сюаньдэчжоу [провинции] Янъизин видел, что [у них] имеются календари, уже отпечатанные и сброшюрованные в книги. Когда [я] спросил о них, то оказалось, что Ила Чу-цай сам высчитал, сам отпечатал и сам же обнародовал [этот календарь]. О нем татарский правитель даже не знал. [Елюй] Чу-цай силен в астрономии, стихосложении, игре на цине и в учении буддизма – [у него] много способностей. У него борода очень черная и отвисает до колен. Обычно [он] свивает [ее] в узел. [Он] личность весьма представительная.

Когда они выбирают день для совершения [какого-либо] дела, то [прежде всего] смотрят, полна или ущербна луна, для того чтобы совершить или прекратить [данное

дело] (они избегают [совершения дела] как до [достижения] молодым месяцем [первой четверти], так и после [появления] полумесяца [в последней четверти]). Видя новую луну, [они] непременно кланяются.

Что касается их дел, то они записывают их при помощи деревянной палочки. [Письменность их] похожа на вспугнутого змея и скрючившегося земляного червя; похожа на [почерк] фу-чжуань в «Небесной книге», похожа на [знаки] у, фань, гун и чи из музыкальных нот. Уйгурские буквы, вероятно, являются братьями (т.е. сродни) [монгольской письменности].

[Я, Сюй] Тин исследовал ее (монгольскую письменность). У татар первоначально не было письменности. Однако ныне [они] пользуются письменностью трех видов.

Что касается тех [документов], которые имеют распространение в собственном государстве татар, то [они] пользуются только маленькими дощечками длиной 3–4 цунь. [Они] надрезают их по четырем углам. Например, если посылается [куда-либо] десять лошадей, то делается десять нарезок. В общем, вырезается только число их (предметов). Их обычаи просты, а мысли сосредоточены [на тех делах, о которых речь идет в данном случае]. Поэтому-то в [их] словах не бывает ошибок. По их закону тот, кто солгал, наказывается смертью. Поэтому-то никто не осмеливается обманывать. Хотя [у них] нет письменности, но они смогли сами основать государство.

Указанные маленькие дощечки есть не что иное, как бирки древних [китайцев].

Что касается тех [документов], которые имеют распространение среди мусульман, то они пользуются уйгурскими буквами. Ведает ими Чжэньхай. Уйгурская письменность насчитывает только 21 букву. Что касается остальных [знаков], то [они] лишь добавляются с боков, для того чтобы составились [слова].

Что касается [документов], имеющих распространение в погибших государствах – среди северных китайцев, киданей и чжурчжэней, – то применяется только китайская письменность. Ведает ими Ила Чу-цай. Однако еще в конце документа перед датой Чжэньхай собственноручно пишет уйгурские буквы, которые гласят: «Передать тому-то и тому-то». Это, вероятно, является специальной мерой предосторожности против Чу-цай и поэтому непременно производится засвидетельствование [документа] при помощи уйгурских букв. Если этого нет, то [он] не является документом (т.е. не имеет законной силы). То, что хотят, чтобы он проходил через руки Чжэньхай, также является, вероятно, противодействием.

В яньцзинских городских школах в большинстве случаев преподают уйгурскую письменность, а также перевод с языка татар. Как только [ученик] выучивается переводить [с этого] языка, он становится переводчиком. Затем [он] вместе с татарами ходит кругом [по дворам], запугивает людей, требует и получает са-хуа, требует и получает продукты питания для еды.

Кидане и чжурчжэни первоначально имели свою письменность, но теперь ни те, ни другие [ею] не пользуются.

Что касается их печати, то [она] называется «императорской печатью для обнаружения указов». Текст на ней похож на повторяющиеся иероглифы чжуань, и [она] квадратная. Ширина [квадрата] составляет три с лишним цуня. Ведает ею Чжэньхай. [Он] не запирает ее [как он должен был бы делать] в целях предосторожности.

Все дела – малые и большие – решаются обязательно самим незаконным вождем. У татар [Елюй] Чу-цай, [Няньхэ] Чун-шань и Чжэньхай вместе держат в руках кормило управления.

В делах [управления] всеми краями [государства] право полностью распоряжаться жизнью и имуществом [населения] при отсутствии [изданных] указов татарского правителя переходит уже в руки того, кто распоряжается [ханской] печатью.

[Я, Сюй] Тин исследовал это. Только когда дело воспроизводится в документе, то [Елюй] Чу-цай и Чжэньхай могут проводить в нем личные идеи. Ибо татарский правитель не знает грамоты. Что касается таких важных дел, как походы, война и

другие, то [они] решаются только самим татарским правителем. Однако он еще обдумывает их вместе со своей родней. Китайцы и другие люди не участвуют [в этих обсуждениях]. [Татарский правитель] обычно называет татар «своей костью».

(Цит. по кн. Образование Золотой Орды. Казань: Таткнигоиздат, 2008. С. 31-39)

Большой интерес представляет сочинение персидского историка Ала Ад-Дина Ата-Малика Джувайна «История завоевателя мира». Историк родился в 1226 году, то есть почти накануне разгрома монголами государства Хорезм. Его «История...» служила основой для описаний более поздними авторами, например Рашид Ад-Дином, монгольских завоеваний. В Приложении приводятся отрывки о гибели Хорезма.

Часть I. Глава 19. О судьбе, постигшей Хорезм

[...] Когда Чингисхан завершил завоевание Самарканда, были покорены все страны Трансоксании, и его враги раздавлены мельничными жерновами несчастий, но с другой стороны уцелели области Дженда и Барджлык-Кента; так что Хорезм остался посредине, как палатка, у которой обрезали поддерживающие ее веревки. Поскольку он [Чингисхан] желал лично преследовать *султана* и очистить страны Хорасана от своих врагов, он направил против Хорезма своих старших сыновей, Чагатая и Угэдэя, с армией бесконечной, как ход времени, и такой, что она заполнила собою горы и пустыни. Он также приказал Туши послать туда в виде подкрепления войско из пленников, захваченных в Дженде. Царевичи проследовали через Бухару, послав вперед авангард, который мчался, как злой рок, и летел подобно молнии.

Хорезм к тому времени был покинут [обоими] *султанами*, но в нем все еще находился Хумар-тегин, один из военачальников и родственник Теркен-хатун; оставались в нем также и некоторые из главных *эмиров*, а именно Моغل-Хаджиб, Эр-Бука Пахлаван, *сипахсалар* Али Дуругуни и несколько других им подобных, перечислять имена которых – долгое и бесполезное занятие. Кроме этого в городе оставалось так много вельмож и ученейших людей своего века, что их число невозможно было сосчитать и измерить; а жители превосходили численность крупинки песка или гальку. А так как во всем этом множестве и собрании людей не было назначено предводителя, к которому бы они могли обратиться, если совершались неподобающие поступки, который бы решал вопросы государственного управления и занимался делами всего общества, с чьей помощью они могли бы противостоять ударам судьбы, Хумар, по причине его близости к царской семье, был единогласно выбран *султаном* и назначен наврузом.

И они не обращали внимания на беспокойство и беспорядок, царящие в мире, и удары и напасти, которым подвергала Судьба свои творения, великие и малые; пока вдруг не увидели небольшой отряд всадников, подобный облаку дыма, который прибыл к воротам города и начал угонять скот. В результате восторжествовали некоторые из тех слепцов, которые решили, что они пришли в таком малом количестве из хвостовства и осмелились на такую дерзость ради забавы. Они не уразумели, что за этим последуют бедствия, что после вершины этого бедствия будут другие вершины, а за ними – адские муки. Весь народ, пеший и конный, безрассудно хлынул из ворот и напал на небольшой отряд. Монголы, будто играя в какую-то дикую игру, то бросались на них, то уносились прочь. Наконец, когда они достигли Багги-Хуррама, который лежал на расстоянии *фарсаха* от города, из засады выскочили татарские конники, богатыри и удалыцы, внушавшие страх воины, прятавшиеся за городскими стенами. Они преградили им путь и назад, и вперед и напали на них, как волки на оставшиеся без пастуха стадо овец. Они пускали в этих людей стрелы и, умело работая копьями и саблями, гнали их перед собой и к наступлению ночи уложили на землю почти сто тысяч воинов. И в таком лихорадочном возбуждении, с воплями и криками они ворвались вслед за ними в город через Кабиланские ворота и набросились как огонь на место, называвшееся Танура.

Когда солнце стало садиться, неприятельское войско из предосторожности удалилось; но на следующий день, когда тюркский сабельщик поднял голову, скрывавшуюся за горизонтом, бесстрашные и отважные воины вскочили на коней и устремились к городу. Некий Фаридун Гурии, один из главных полководцев *султана*, ожидая их у ворот с пятьюстами воинами и приготовившись отразить атаку, лишил этих проклятых возможности сражаться до конца того дня.

Вскоре прибыли Чагатай и Угэдэй с войсками, натиск которых был подобен водному потоку, и ряды которых следовали один за другим, как порывы ветра. Они объехали город вокруг и отправили к его жителям посольство с предложением покориться и сдаться.

Все войско затем охватило город, как круг охватывает свою середину, и расположилось у его стен, словно воплощение Судьбы. Они занялись приготовлением орудий войны – дерева, *баллист* и снарядов к ним. И так как в окрестностях Хорасана не было камней, они изготавливали эти снаряды из древесины тутовых деревьев. Как было у них заведено, в течение дня они осыпали жителей города обещаниями и угрозами, посулами и проклятиями; и время от времени те и другие посылали друг в друга по нескольку стрел.

Наконец, когда приготовления к бою были окончены и все необходимые орудия приготовлены, когда прибыло к тому же подкрепление из Дженда и других мест, они со всех сторон тотчас бросились штурмовать город и с пронзительным криком, подобным грому и молнии, выпустили на него град стрел и снарядов. Они приказали собирать всякий мусор и засыпать им ров; а после этого вперед погнали пленных, образовавших круг, которым велено было разрушить основание внешних укреплений и бросить землю в глаза неба.

Когда фальшивый *султан* и предводитель войска Хумар, опьяневший от вина несчастий (Всемогущий Аллах сказал: «Клянусь твоей жизнью, о Мухаммед! Ведь они в своем опьянении скитаются слепо»), увидел резню, которую они устроили, его сердце разорвалось надвое от страха унижения, а знаки победы татарского войска совпали с его тайными догадками; он лишился разума, и перед лицом Провидения советы и наставления оказались сокрыты от него. Он сошел с ворот и тем самым посеял еще большее замешательство и беспорядок между людьми.

Татарская армия установила на стене свое знамя, воины взбирались наверх, и земля гудела от их воплей, криков, рева и шума. Горожане сражались с ними за каждую улицу и каждый дом, в каждом переулке они вступали в бой и в каждом тупике отчаянно сопротивлялись. Монголы тем временем поджигали их дома и кварталы горшками с горячей нефтью и убивали жителей одного за другим при помощи стрел и *баллист*. И когда неумолимая вечерняя тьма начала сворачивать мантию солнечного света, они стали возвращаться в свой лагерь. Утром горожане некоторое время продолжали сражаться, и когти войны обнажились, когда они пускали в ход мечи, стрелы и знамена. Но к тому времени большая часть города была разрушена; дома с находившимися в них имуществом и сокровищами превратились в кучи земли; и монголы уже не надеялись поживится накопленным ими добром. Тогда они договорились между собой прекратить использовать огонь и вместо этого лишить жителей города доступа к воде из реки Окс, через которую в центре города был построен мост. Три тысячи воинов монгольского войска приготовились и бросились на середину моста; но горожане устроили и там ловушку, и ни один из них не вернулся назад.

После этого случая горожане воодушевились и усилили сопротивление. За стенами города орудия войны также работали с удвоенной яростью, море битвы еще больше разбушевало, а буйные ветры смятения еще сильнее задули на земле и на небе. Квартал за кварталом, дом за домом монголы захватывали город, разрушая его здания и убивая его жителей, пока наконец весь город не оказался в их руках. Потом они выгнали жителей на равнину; тех кто были ремесленниками и мастерами, а таких набралось более ста тысяч,

отделили от прочих; детей и молодых женщин обратили в рабов и угнали в плен; оставшиеся же мужчины были поделены между монгольскими воинами, каждому из которых выпало казнить двадцать четыре человека. Всевышний сказал: «И обратили Мы их в повествование и разорвали на клочки. Поистине, в этом – знамение для всякого терпеливого, благодарного!». После этого войско занялось грабежом и разорением и разрушило то, что осталось от домов и жилищ.

[...]

(Цит. по кн. Образование Золотой Орды. Казань: Таткнигоиздат, 2008. С. 53-55)

Из «Сборника летописей» другого персидского автора Рашид Ад-Дина приводятся фрагменты, описывающие племена и народы, вошедшие в состав государства монголов.

Племя джалаир

[...] В эпоху Менгу-каана Мункасар-нойон, из рода джат, был великим эмиром и старейшим из судей. Причина его возвышения, степени и величия была такова. В то время как Менгу-каан со своим отцом Тулуй-ханом и с войском возглавили поход на страну кипчаков и взяли их, – Мункасар-нойон в этой войне проявил рачительность. Менгу-каан поручил ему знатных кипчаков, дабы он увел их вперед и доставил в ставку [великого хана]. [...]

Племя татар

[...] В улусе Джочи-хана старшая жена сына Джочи, Бату, по имени Буракчин, была из племени алчи-татар; также из этого племени была супруга Тудай-Менгу, государя того же улуса, по имени Турэ-Кутлуг; из эмиров Бату из этого племени был старший эмир по имени Ит-Кара; из эмиров Менгу-Тимура, также государя того улуса, из того же племени был старший эмир по имени Бек-Тимур [...]

Племя меркит

[...] Много раз [меркиты] сражались с Чингиз-ханом [...] В последней войне младший сын Токтай-беки Култукан-мэргэн, который чрезвычайно хорошо и метко пускал стрелы, убежав, ушел к кипчакам. Джочи-хан послал отряд для его преследования, и он его схватил. Так как [Джочи] слышал о меткости его стрельбы, то, поставивши мишень, приказал ему пустить [в нее] стрелу. [Култукан-мэргэн], выстрелив, попал в цель, а вслед пустил другую, попал в [самую], зарубку, где оперенье первой стрелы, и расколел [ее]. Джочи-хану это чрезвычайно понравилось; он отправил к Чингиз-хану посланца с просьбой сохранить жизнь Култукана. [Чингиз-хан] не одобрил [это] и сказал; «нет ни одного племени хуже племени меркитов: сколько раз мы воевали с ними; много беспокойств и затруднений видели от них, – каким же образом возможно оставить его в живых, чтобы он опять возбудил мятеж?! Я приобрел для вас все эти области, войско и племена; какая же нужда в [этом человеке]?! Врагу государства нет лучшего места, чем могила!»– По этой причине Джочи-хан казнил [Култукана], и их род пресекался. [...]

Племена урасут, теленгут и куштеми

[...] Однако [существует] много различий между одним лесным племенем и другим, потому что от леса до леса бывает [расстояние] в месяц пути, в два месяца или в десять дней. После того как киргизы выразили покорность, а [потом] восстали, Чингиз-хан послал к этим вышеупомянутым племенам своего, сына Джочи-хана. Он прошел по льду через Селенгу и другие реки, которые замерзли, и захватил [область] киргизов. Во время [этого] похода и возвращения он также захватил и те племена. [...]

Племя лесных урянкатов

[...] Джакамбу имел четырех дочерей: одну [из них] высватал себе Чингиз-хан, ее имя было Абики-беги; другую по имени Биктутмиш-фуджин, он взял за [своего] старшего сына Джочи; третью, именуемую Соркуктани-беки, он сосватал [своему] младшему сыну Тулуй-хану; она была матерью четырех сыновей: Менгу-каана, Кубилай-каана, Хулагу-хана и Арик-Бука. [Последнюю] дочь [Джакамбу] отдал [в жены] сыну государя онгутов. [...].

Племя киргиз

Киргиз и Кэм-кэмджиут две области смежные друг с другом; обе они составляют одно владение [*мамлакат*]. Кэм-Кэмджиут – большая река, одною стороною она соприкасается с областью монголов [Могулистан] и одна [ее] граница – с рекой Селенгой, где сидят племена тайджиутов; одна сторона соприкасается с [бассейном] большой реки, которую называют Анкара-мурэн, доходя до пределов области Ибир-Сибир. Одна сторона Кэм-Кэмджиута соприкасается с местностями и горами, где сидят племена найманов. Племена кори, баргу, тумат и байаут, из коих некоторые суть монголы и обитают в местности Баргуджин-Токум, также близки к этой области. В этих областях много городов и селений и кочевники многочисленны. Титул [каждого] их государя, хотя бы он имел другое имя, – инал, а родовое имя тех из этой области, кто пользуется уважением и известностью, – иди. Государь ее был... [пропуск]. Название другой области – Еди-Орун, государя тамошнего называли Урус-инал.

В году толай, являющемся годом зайца, соответствующем месяцам 603 г., Чингиз-хан послал гонцами к этим двум государям Алтана и Букра и призвал [их] к подчинению. Те послали назад вместе с ними трех своих *эмиров*, коих звали: Урут-Утуджу, Элик-Тимур и Аткирак, с белым соколом, как выражение почтения от младшего старшему, и подчинились [ему].

Спустя двенадцать лет, в год *барса*, когда восстало одно [из] племен тумат, сидевшее в Баргуджин-Токуме и Байлуке, для его покорения [монголы], из-за того, что оно было поблизости от киргизов, потребовали от киргизов войско [чарик]; те не дали и восстали. Чингиз-хан послал к ним своего сына Джочи с войском. Курлун [был] их [киргизов] предводитель; [у монголов *эмир*], по имени Нока отправился в передовом отряде; он обратил в бегство киргизов и вернулся назад от восьмой реки. Когда подоспел Джочи, лед уже сковал реку Кэм-Кэмджиут. Он прошел по льду и, покорив и подчинив киргизов, вернулся назад.

[...]

Племя кунгират

[...] В настоящее время также на службе *каана* и во владениях [улус] Угедея, Чагатая и Джочи из их прямых потомков имеется много зятьев. Салджиутай-гургэн, отца которого называют Булаган-нойон, сватавший когда-то Калмыш-ака, дочь Кутукту, и Эбугэн-гургэн, который прибыл в качестве гонца из *улуса* Токты, – принадлежат к той же кости. [...].

Племя хушин

[...] Был другой старший *эмир*, по имени Хушидай-Байку. Чингиз-хан отдал его Джочи вместе с войском; он командовал правым крылом войска Бату. В конце жизни он заявил: «Я дряхл и слаб и не могу [исполнять] это дело», и привел [одного человека] по имени Элдэкэ из племени джурьят, на матери которого он некогда женился, и сделал [его] своим помощником [*наиб*], а после того он стал его заместителем. В настоящее время там [в Монголии] великие *эмиры* из его рода заняты тем же делом. [...].

Племя кингит

Из этого племени не вышли очень известные *эмиры* и люди, но во время Чингиз-хана, когда тот раздавал *эмиров* вместе с войсками сыновьям, он дал несколько *эмиров* с четырьмя тысячами войск старшему своему сыну Джочи-хану, а из них один *эмир*, по имени Кутан-нойон, был из этой ветви, в *улусе* же Кунджи, который из потомков Урадэ, он же из рода Джочи, [некто] именуемый Хуран, который был известным и великим из *эмиров* того *улуса*, – из его рода. В настоящее время его дети и родственники находятся там. И все!

Племена хартакан и сиджиут

[...] Много великих людей было и есть из этого племени, но в этом государстве [т.е. Иране] доподлинно не известен ни один человек, который был бы уважаем и известен. Во времена Чингиз-хана, в то время, когда тот делил *эмиров* и войско между царевичами, он отдал из этого племени Мунгэду-нойона Джочи-хану; в эпоху Бату тот ведал войском. В настоящее время старший *эмир*, который у Токта, по имени Черкес, – из его рода. [...]

Племя хадаркин

[...] Тысячей племени хадаркин начальствовал он [Мукур-Куран]. Он принадлежал к *эмирам* правого крыла. В настоящее время большинство того войска было в Дешт-и Кипчаке вместе с Нокаем. [...]

Племя йисут

[...] Когда Чингиз-хан был в области Балха и Таликана, он послал его с Субэдаем и Нуркэ, которые были из [племени] джалаир, вместе с войском в те пределы. Нуркэ в пути умер. Они вышли оттуда [и, двигаясь на запад], взяли много городов Персидского Ирака [Ирак-и Аджам]; учинив убийства и грабежи, они пошли оттуда в область Грузии и Тифлис. Грузины собрались в большом количестве и вышли на войну. Джэбэ послал против них Субэдая с войском, а сам с пятью тысячами *бахадуров* сел в засаду. Субэдай нарочито бежал, и грузины пустились его преследовать. [Тогда] Джэбэ вышел из засады, зайдя с фланга, и всех уничтожил. Обычный прием их [монголов] в большинстве сражений был таков. Оттуда он повернул назад и вышел через Тимур-Кахалга [Железные Ворота]. Жители Дербента поднесли [монголам] провиант [*тургу*] и подчинились. [Монголы] прошли оттуда, направившись в страну русов [*вилаят-и урус*]. В пути они повсеместно чинили избиения и грабежи. Они с Чингиз-ханом постановили, что покончат эти дела в течение трех лет, [а в действительности] в два с половиной года пришли к удовлетворительному концу. [...]

[...]

Памятка об *эмирах туманов* и тысяч и о войсках Чингиз-хана

[...]

Тысяча Куки-нойона и Мугэду-Кияна, сыновей Кияна. Племя кият, которое в настоящее время находится у Токтая и о котором говорят, что оно составляет один *туман*, и большинство других киятов суть из их потомства. [...]

Часть старшего сына Джочи-хана [составляла] четыре тысячи человек.

Тысяча Мунгура, бывшего из племени сиджиут. В эпоху Бату он ведал [войском] левой руки. В настоящее время из *эмиров* Токтая, некто, по имени Черкес, есть один из его сыновей; он идет стезею отца.

Тысяча Кингитая Кутан-нойона, бывшего из племени кингит. Его сын, по имени Хуран, который был у царевича Кулчи, из числа старших *эмиров* этого *улуса*.

Тысяча Хушитая, бывшего из *эмиров* племени хушин, из числа родичей Боорчи-нойона.

Тысяча Байку, [также] бывшего из племени хушин. Он ведал *бараунгаром*, т.е. войском правой руки.

Этих четырех упомянутых *эмиров* с четырьмя тысячами войска Чингиз-хан отдал Джочи-хану. В настоящее время большая часть войска Токтая и Баяна есть потомство этих четырех тысяч, а что прибавилось [к ним] за последнее время, то – из войск русских, черкесских, кипчакских, маджарских и прочих, которые присоединились к ним. [Кроме того], во время междоусобиц среди дальних и близких родичей часть также должна была уйти туда [во владения Токтая и Баяна]. [...]

[...]

(Цит. по кн. Образование Золотой Орды. Казань: Таткнигоиздат, 2008. С. 74-78, 85-86)

Большой интерес вызывает также «Книга о тартарах» францисканского монаха Иоанна де Плано Карпини, поскольку она представляет в известной мере «европейский» взгляд на монголов. Приводятся фрагменты, описывающие быт, нравы, религию, семью, брак, организацию военной машины, идеологию кочевников.

«[...]

Глава вторая

О внешнем виде лиц, о супружестве, одеянии, жилищах и имуществе их

Сказав о земле, надлежит сказать о людях: во-первых, мы опишем внешний вид их лиц, во-вторых, изложим об их супружестве, в-третьих, об одеянии, в-четвертых, о жилищах и, в-пятых, об их имуществе.

§ I. О внешнем виде лиц

Внешний вид лиц отличается от всех других людей. Именно между глазами и между щеками они шире, чем у других людей, щеки же очень выдаются от скул; нос у них плоский и небольшой; глаза маленькие, и ресницы приподняты до бровей. В поясе они в общем тонки, за исключением некоторых, и притом немногих, росту почти все невысокого. Борода у всех почти вырастает очень маленькая, все же у некоторых на верхней губе и на бороде есть небольшие волосы, которых они отнюдь не стригут. На маковке головы они имеют гуменце наподобие *клириков*, и все вообще бреют [голову] на три пальца ширины от одного уха до другого; эти выбритые места соединяются с вышеупомянутым гуменцем; надо лбом равным образом также все бреют на два пальца ширины; те же волосы, которые находятся между гуменцем и вышеупомянутым бритым местом, они оставляют расти вплоть до бровей, а с той и другой стороны лба оставляют длинные волосы, обстригая их более чем наполовину; остальным же волосам дают расти, как женщины. Из этих волос они составляют две косы и завязывают каждую за ухом. Ноги у них также небольшие.

§ II. Об их супружестве

Жен же каждый имеет столько, сколько может содержать: иной сто, иной пятьдесят, иной десять, иной больше, иной меньше, и они могут сочетаться браком со всеми вообще родственницами, за исключением матери, дочери и сестры от той же матери. На сестрах же только по отцу, а также на женах отца после его смерти они могут жениться. А на жене брата другой брат, младший, после смерти первого или иной младший из родства обязан даже жениться. Всех остальных женщин они берут в жены без всякого различия и покупают их у их родителей очень дорого. По смерти мужей жены нелегко вступают во второй брак, разве только кто пожелает взять в жены свою мачеху.

§ III. Об их одеянии

Одеяние же как у мужчин, так и у женщин сшито одинаковым образом. Они не имеют ни плащей, ни шапок, ни шляп, ни шуб. Кафтаны же носят из букарана, пурпура или балдакина, сшитые следующим образом. Сверху донизу они разрезаны и на груди

запахиваются; с левого же боку они застегиваются одной, а на правом – тремя пряжками, и на левом также боку разрезаны до рукава. Полушубки, какого бы рода они ни были, шьются таким же образом, но верхний полушубок имеет волосы снаружи, а сзади он открыт, но у него есть один хвостик, висящий назад до колен. Замужние же женщины носят один кафтан очень широкий и разрезанный спереди до земли. На голове же они носят нечто круглое, сделанное из прутьев или из коры, длиною в один *локоть* и заканчивающееся наверху четырехугольником, и снизу доверху этот [убор] все увеличивается в ширину, а наверху имеет один длинный и тонкий пруттик из золота, серебра или дерева или даже перо; и этот [убор] нашит на шапочку, которая простирается до плеч. И как шапочка, так и вышеупомянутый убор покрыты букараном или пурпуром, или балдакином. Без этого убора они никогда не появляются на глаза людям, и по нему узнают их другие женщины. Девушек же и молодых женщин с большим трудом можно отличить от мужчин, так как они одеваются во всем так, как мужчины. Шапочки у них иные, чем у других народов; описать, понятно, их вид мы бессильны.

§ IV. Об их жилищах

Ставки у них круглые, изготовленные наподобие палатки и сделанные из прутьев и тонких палок. Наверху же в середине ставки имеется круглое окно, откуда попадает свет, а также для выхода дыма, потому что в середине у них всегда разведен огонь. Стены же и крыши покрыты войлоком, двери сделаны также из войлока. Некоторые ставки велики, а некоторые небольшие, сообразно достоинству и скудости людей. Некоторые быстро разбираются и чинятся и переносятся на вьючных животных, другие не могут разбираться, но перевозятся на повозках. Для меньших при перевозке на повозке достаточно одного быка, для больших – три, четыре или даже больше, сообразно с величиной повозки, и, куда бы они ни шли, на войну ли или в другое место, они всегда перевозят их с собой.

§ V. Об их имуществе

Они очень богаты скотом: верблюдами, быками, овцами, козами и лошадьми. Вьючного скота у них такое огромное количество, какого, по нашему мнению, нет и в целом мире; свиней и иных животных нет вовсе.

Глава третья

О богопочитании, о том, что они признают грехами, о гаданиях и очищениях и погребальном обряде

Сказав о людях, следует изложить об обрядности; о ней мы будем рассуждать следующим образом: сперва скажем о богопочитании, во-вторых, о том, что они признают грехами, в-третьих, о гаданиях и очищениях грехов, в-четвертых, о погребальном обряде.

§ I. О богопочитании Татар

I. Они веруют в единого Бога, которого признают творцом всего видимого и невидимого, а также и признают его творцом как блаженства в этом мире, так и мучений, однако они не чтут его молитвами или похвалами, или каким-либо обрядом. Тем не менее у них есть какие-то идолы из войлока, сделанные по образу человеческого, и они ставят их с обеих сторон двери ставки и вкладывают в них нечто из войлока, сделанное наподобие сосцов, и признают их за охранителей стад, дарующих им обилие молока и приплода, скота. Других же идолов они делают из шелковых тканей и очень чтут их. Некоторые ставят их на прекрасной закрытой повозке перед входом в ставку, и всякого, кто украдет что-нибудь с этой повозки, они убивают без всякого сожаления. А когда они хотят делать этих идолов, то собираются вместе все пожилые хозяйки, которые находятся в тех ставках, и с благоговением делают их, а когда сделают, то убивают овцу, едят ее и сжигают огнем ее кости. И когда также болен какой-нибудь отрок, то они делают идола вышеописанным способом и привязывают его над ложем. Вожди, тысячники и сотники всегда имеют козла в середине ставки. Вышеупомянутым идолам они приносят прежде всего молоко всякого скота, и обыкновенного, и вьючного. И всякий раз, как они

приступают к еде или питью, они прежде всего приносят им часть от кушаний и питья. И всякий раз, как они убивают какого-нибудь зверя, они приносят на каком-нибудь блюде сердце идолу, который находится на повозке, и оставляют до утра, а также уносят сердце с его вида варят и едят.

II. Прежде всего также они делают идол для императора и с почетом ставят его на повозке перед ставкой, как мы видели при дворе настоящего императора, и приносят ему много даров. Посвящают ему также лошадей, на которых никто не дерзает садиться до самой их смерти. Посвящают ему также и иных животных, и если убивают их для еды, то не сокрушают у них ни единой кости, а сжигают огнем. В полдень также они поклоняются ему как Богу и заставляют поклоняться некоторых знатных лиц, которые им подчинены. Отсюда недавно случилось, что Михаила, который был одним из великих князей Русских, когда он отправился на поклон к Бату, они заставили раньше пройти между двух огней; после они сказали ему, чтобы он поклонился на полдень Чингис-хану. Тот ответил, что охотно поклонится Бату и даже его рабам, но не поклонится изображению мертвого человека, так как христианам этого делать не подобает. И, после неоднократного указания ему поклониться и его нежелания, вышеупомянутый князь передал ему через сына Ярослава, что он будет убит, если не поклонится. Тот ответил, что лучше желает умереть, чем сделать то, чего не подобает. И Бату послал одного телохранителя, который бил его пяткой в живот против сердца так долго, пока тот не скончался. Тогда один из его воинов, который стоял тут же, ободрял его, говоря: «Будь тверд, так как эта мука недолго для тебя продолжится, и тотчас воспоследует вечное веселие». После этого ему отрезали голову ножом, и у вышеупомянутого воина голова была также отнята ножом.

III. Сверх того, они набожно поклоняются солнцу, луне и огню, а также воде и земле, посвящая им начатки пищи и питья и преимущественно утром, раньше чем станут есть или пить. И так как они не соблюдают никакого закона о богопочитании, то никого еще, насколько мы знаем, не заставили отказаться от своей веры или закона, за исключением Михаила, о котором сказано выше. Что они станут делать дальше, не знаем; некоторые, однако, предполагают, что если Татары получают единовластие, – да отвратит это Бог, – то они заставят всех поклоняться этому идолу. Случилось также в недавнюю бытность нашу в их земле, что Андрей, князь Чернигова (Cherneglove), который находится в России, был обвинен пред Бату в том, что уводил лошадей Татар из земли и продавал их в другое место; и хотя этого не было доказано, он все-таки был убит. Услышав это, младший брат его прибыл с женою убитого к вышеупомянутому князю Бату с намерением упросить его не отнимать у них земли. Бату сказал отроку, чтобы он взял себе в жены жену вышеупомянутого родного брата своего, а женщине приказал поять его в мужья согласно обычаю Татар. Тот сказал в ответ, что лучше желает быть убитым, чем поступить вопреки закону. А Бату тем не менее передал ее ему, хотя оба отказывались, насколько могли, их обоих повели на ложе, и плачущего и кричащего отрока положили на нее и принудили их одинаково совокупиться сочетанием не условным, а полным.

§ II. О том, что они признают грехами

Хотя у них нет никакого закона о справедливых деяниях или предостережении от греха, тем не менее все же они имеют некоторые предания о том, что называют грехами, измышленные или ими самими, или их предшественниками. Одно состоит в том, чтобы вонзать нож в огонь, или также каким бы то ни было образом касаться огня ножом, или извлекать ножом мясо из котла, также рубить топором возле огня, ибо они веруют, что таким образом должна быть отнята голова у огня; точно так же опираться на плеть, которой погоняют коня (они ведь не носят шпор); точно так же касаться стрел бичом; точно так же ловить или убивать молодых птиц, ударять лошадь уздою; точно так же ломать кость о другую кость; точно так же проливать на землю молоко или другой какой напиток, или пищу, мочиться в ставку, но если кто это делает добровольно, его убивают, если же иначе, то им должно заплатить много денег колдуну, чтобы он очистил их и заставил также и ставку и то, что в ней находится, пройти между двух огней, а раньше,

чем она будет так очищена, никто не дерзает войти в нее и унести из нее что-нибудь. Точно так же если кому положат в рот кусочек, и он не может проглотить его и выбросить его изо рта, то под ставкой делают отверстие, вытаскивают его через это отверстие и без всякого сожаления убивают точно так же, если кто наступает на порог ставки какого-нибудь вождя, то его умерщвляют точно таким же образом. И у них есть много подобного этому, о чем было бы слишком долго рассказывать. А убивать людей, нападать на земли других, захватывать имущество других всяким несправедливым способом, предаться блуду, обижать других людей, поступать вопреки запрещениям и заповедям Божиим отнюдь не считается у них греховным. Они ничего не знают о вечной жизни и вечном осуждении; веруют, однако, что после смерти станут жить в ином мире, будут умножать свой стада, есть, пить и делать другое, что делают люди, живущие в этом мире.

§ III. О гаданиях и очищениях грехов

I. Они усиленно предаются гаданиям вообще, а также по полету птиц и внутренностям животных, чародействам и волшебствам. И, когда им отвечают демоны, они веруют, что это говорит им сам Бог. Этого Бога они называют *Итога*, а Команы именуют его *Кам*, они удивительно боятся и чтут его и приносят ему много даров и начатки пищи и питья, и делают все согласно его ответам. Все то, что они желают делать нового, они начинают в начале луны или в полнолуние, откуда именуют ее великим императором, преклоняют перед ней колена и молятся. Солнце они называют также матерью луны, потому что она получает свет от солнца.

II. И, говоря кратко, они веруют, что огнем все очищается; отсюда когда к ним приходят послы или вельможи или какие бы то ни было лица, то и им самим, и приносимым ими дарам надлежит пройти между двух огней, чтобы подвергнуться очищению, дабы они не устроили какого-нибудь отравления и не принесли яду или какого-нибудь зла. Точно так же если огонь упадет с неба на стада или на людей, что там часто случается, или если с ними случится что-нибудь подобное, почему они могли бы считать себя нечистыми или несчастливymi, то им равным образом надлежит подвергнуться очищению при посредстве колдунов; и, так сказать, всю свою надежду они возложили на подобных лиц.

III. Когда кто-нибудь из них смертельно заболит, то на ставке его выставляют копы и его обвивают вокруг черным войлоком; и с того времени никто чужой не смеет вступить в пределы его ставок; и когда у больного начнется агония, то почти все удаляются от него, потому что никто из присутствующих при его смерти не может входить в *орду* какого-нибудь князя или императора до новой луны. Когда же он умрет, то, если он из знатных лиц, его хоронят тайно в поле, где им будет угодно, хоронят же его с его ставкой, именно сидящего посередине ее, и перед ним ставят стол и корыто, полное мяса, и чашу с кобыльим молоком, и вместе с ним хоронят кобылу с жеребенком и коня с уздечкой и седлом, а другого коня съедают и набивают кожу соломой и ставят ее повыше на двух или четырех деревяшках, чтобы у него была в другом мире ставка, где жить, кобыла, чтобы получать от нее молоко и даже иметь возможность умножать себе коней, и кони, на коих он мог бы ездить, а кости того коня, которого они съедают за упокой его души, они сжигают. И часто также женщины собираются для сожжения костей за упокой душ людей, как это мы видели собственными глазами и узнали там же от других. Мы видели также, что Оккодай-хан, отец нынешнего императора, посадил куст за упокой своей души, вследствие этого он предписал, чтобы никто там ничего не срезал, если же кто срезал какой-нибудь прут, то, как мы сами видели, подвергался бичеванию; снятию одежды и злым побоям. И, хотя мы сильно нуждались подогнать коня, мы не смели срезать ни одного прута. Золото и серебро они хоронят таким же образом вместе с ним. Повозку, на которой везут его, ломают, а ставку его разрушают, и никто вплоть до третьего поколения не дерзает называть умершего его собственным именем.

§ IV. О погребальном обряде

I. Иной также способ существует для погребения некоторых знатных лиц. Они идут тайком в поле, удаляют там траву с корнем и делают большую яму и с боку этой ямы делают яму под землею и кладут под покойника того раба, который считается его любимцем. Раб лежит под ним так долго, что начинает как бы впадать в агонию, а затем его вытаскивают, чтобы он мог вздохнуть, и так поступают трижды; и если он уцелеет, то впоследствии становится свободным, делает все, что ему будет угодно, и считается великим в ставке и в среде родственников усопшего. Мертвого же кладут в яму, которая сделана сбоку, вместе с теми вещами, о которых сказано выше, затем зарывают яму, которая находится перед его ямой, и сверху кладут траву, как было раньше, с той целью, чтобы впредь нельзя было найти это место. В остальном они поступают так, как о том сказано выше, но наружную его палатку оставляют на поле. В их земле существуют два кладбища. Одно, на котором хоронят императоров, князей и всех вельмож, и, где бы они ни умерли, их переносят туда, если это можно удобно сделать, а вместе с ними хоронят много золота и серебра. Другое то, на котором похоронены те, кто был убит в Венгрии, ибо там были умерщвлены многие. К этим кладбищам не дерзает подойти никто, кроме сторожей, которые приставлены там для охраны, а если кто подойдет, то его хватают, обнажают, бичуют и подвергают очень злым побоям. Поэтому мы сами по неведению вошли в пределы кладбища тех, кто был убит в Венгрии, и сторожа пошли на нас, желая перестрелять, но так как мы были послами и не знали обычая страны, то они дали нам уйти беспрепятственно.

II. Родственников же [усопшего] и всех тех, кто пребывает в его ставках, надлежит очистить огнем; это очищение делается следующим образом. Устраивают два огня и рядом с огнями ставят два копия с веревкой на верхушке копий, и над этой веревкой привязывают какие-то обрезки из букарана; под этой веревкой и привязками между упомянутых двух огней проходят люди, животные и ставки. И присутствуют две женщины, одна отсюда, другая оттуда, прыскающие воду и произносящие какие-то заклинания, и если там сломаются какие-нибудь повозки или даже там упадут какие-нибудь вещи, это получают колдуны. И если кого-нибудь убьет громом, то всем людям, которые пребывают в тех ставках, надлежит пройти вышесказанным способом через огонь. Ставка, постель, повозки, войлоки и все, что у них будет тому подобного, не подлежат чьему-либо прикосновению, но отвергаются всеми как нечистое.

Глава четвертая

О нравах Татар, хороших и дурных, их пище и обычаях

Сказав об обряде, надлежит оказать о нравах; о них будем рассуждать следующим образом: сперва скажем о хороших, во-вторых, о дурных, в-третьих, о пище, в-четвертых, об обычаях

§ I. О хороших нравах Татар

Вышеупомянутые люди, то есть Татары, более повинуются своим владыкам, чем какие бы то ни было люди, живущие в сем мире или духовные, или светские, более всех уважают их и нелегко лгут перед ними. Словопрения между ними бывают редко или никогда, драки же никогда, войн, ссор, ран, человекоубийства между ними не бывает никогда. Там не обретаются также разбойников и воров важных предметов; отсюда их ставки и повозки, где они хранят свое сокровище, не замыкаются засовами или замками. Если теряется какой-нибудь скот, то всякий, кто найдет его, или просто отпускает его, или ведет к тем людям, которые для того приставлены; люди же, которым принадлежит этот скот, отыскивают его у вышеупомянутых лиц и без всякого труда получают его обратно. Один достаточно чтит другого, и все они достаточно дружны между собою; и хотя у них мало пищи, однако они вполне охотно делятся ею между собою. И они также довольно выносливы, поэтому, голодая один день или два и вовсе ничего не вкушая, они не выражают какого-нибудь нетерпения, но поют и играют, как будто хорошо поели. Во

время верховой езды они сносят великую стужу, иногда также терпят и чрезмерный зной. И это люди не изнеженные. Взаимной зависти, кажется, у них нет; среди них нет почти никаких тяжёлых ссор; никто не презирает другого, но помогает и поддерживает, насколько может, по средствам. Женщины их целомудренны, и о бесстыдстве их ничего среди них не слышно; однако некоторые из них в шутку произносят достаточно позорных и бесстыдных слов. Раздоры между ними возникают или редко, или никогда, и хотя они доходят до сильного опьянения, однако, несмотря на свое пьянство, никогда не вступают в словопрения или драки.

§ II. О дурных нравах их

Описав их хорошие нравы, следует изложить теперь о дурных. Они весьма горды по сравнению с другими людьми и всех презирают, мало того, считают их, так сказать, ни за что, будь ли то знатные или незнатные. Именно мы видели при дворе императора, как знатный муж Ярослав, великий князь Руси, а также сын царя и царицы Грузинской, и много великих *султанов*, а также князь Солангов не получали среди них никакого должного почёта, но приставленные к ним Татары, какого бы то низкого звания они ни были, шли впереди их и занимали всегда первое и главное место, а, наоборот, часто тем надлежало сидеть сзади за их. По сравнению с другими людьми они очень вспыльчивы и раздражительного нрава. И также они гораздо более лживы, чем другие люди, и в них не обретается никакой почти правды; вначале, правда, они льстивы, а под конец жалят, как скорпион. Они коварны и обманщики и, если могут, обходят всех хитростью. Это грязные люди, когда они принимают пищу и питье и в других делах своих. Все зло, какое они хотят сделать другим людям, они удивительным образом скрывают, чтобы те не могли позаботиться о себе или найти средство против их хитростей. Пьянство у них считается почётным, и, когда кто много выпьет, там же извергает обратно, но из-за этого не оставляет выпить вторично. Они очень алчны и скупы, огромные мастера выпросить что-нибудь, а вместе с тем весьма крепко удерживают все свое и очень скупые дарители. Убийство других людей считается у них ни за что. И, говоря кратко, все дурные нравы их по своей пространности не могут быть изображены в описании.

§ III. Об их пище

I. Их пищу составляет все, что можно разжевать, именно они едят собак, волков, лисиц и лошадей, а в случае нужды вкушают и человеческое мясо. Отсюда, когда они воевали против одного китайского города, где пребывал их император, и осаждали его так долго, что у самих Татар вышли все съестные припасы, то, так как у них не было вовсе что есть, они брали тогда для еды одного из десяти человек. Они едят также очищения, выходящие из кобыл вместе с жеребятами. Мало того, мы видели даже, как они ели вшей, именно они говорили: «Неужели я не должен есть их, если они едят мясо моего сына и пьют его кровь?» Мы видели также как они ели мышей. Скатертей и салфеток у них нет. Хлеба у них нет, равно как зелени и овощей и ничего другого, кроме мяса; да и его они едят так мало, что другие народы с трудом могут жить на это.

II. Они очень грязнят себе руки жиром от мяса, а когда поедят, то вытирают их о свои сапоги или траву, или о что-нибудь подобное; более благородные имеют также обычно какие-то маленькие суконки, которыми напоследок вытирают руки, когда поедят мяса. Пищу разрезает один из них, а другой берет острием ножика кусочки и раздает каждому, одному больше, а другому меньше, сообразно с тем, больше или меньше они хотят кого почтить. Посуды они не моют, а если иногда и моют мясной похлебкой, то снова с мясом выливают в горшок. Также если они очищают горшки или ложки, или другие сосуды, для этого назначенные, то моют точно так же. У них считается великим грехом, если каким-нибудь образом дано будет погибнуть чему-нибудь из питья или пищи, отсюда они не позволяют бросать собакам кости, если из них прежде не высосать мозжечек. Платя свои они также не моют и не дают мыть, а особенно в то время, когда начинается гром, до тех пор, пока не прекратится это время.

III. Кобылье молоко, если оно у них есть, они пьют в огромном количестве, пьют также овечье, коровье и верблюжье молоко. Вина, пива и меду у них нет, если этого им не пришлют и не подарят другие народы. Зимой у них нет даже и кобыльего молока, если они небогаты. Они также варят просо с водою, размельчая его настолько, что могут не есть, а пить. И каждый из них пьет поутру чашу или две, и днем они больше ничего не едят, а вечером каждому дается немного мяса, и они пьют мясную похлебку. Летом же, имея тогда достаточно кобыльего молока, они редко едят мясо, если им случайно не подарят его, или они не поймают на охоте какого-нибудь зверя или птицу.

§ IV. Об их законах и обычаях

I. Далее, у них есть закон или обычай убивать мужчину или женщину, которых они застанут в явном прелюбодеянии; также если девица будет с кем-нибудь блудодействовать, они убивают мужчину и женщину. Если кто-нибудь будет застигнут на земле их владения в грабеже или явном воровстве, то его убивают без всякого сожаления. Точно так же, если кто-нибудь открывает их замысел, особенно когда они хотят идти на войну, то ему дается по заду сто ударов таких сильных, насколько может дать их крестьянин большой палкой. Точно так же, когда кто-нибудь из младших оскорбляет кого-нибудь, то их старшие не щадят их, а подвергают тяжкому бичеванию. Точно так же между сыном от наложницы и от жены нет никакой разницы, но отец дает каждому из них, что хочет, и если он из рода князей, то сын наложницы является князем постольку же, как и сын законной супруги. И если один Татарин имеет много жен, то каждая из них сама по себе имеет свою ставку и свое семейство; и один день он пьет, ест и спит с одной, а другой день с другою, все-таки одна из них считается старшей среди других, и он бывает с ней чаще, чем с другими, и хотя их так много, они нелегко ссорятся между собою.

II. Мужчины ничего вовсе не делают, за исключением стрел, а также имеют отчасти попечение о стадах; но они охотятся и упражняются в стрельбе, ибо все они от мала до велика суть хорошие стрелки, и дети их, когда им два или три года от роду, сразу же начинают ездить верхом и управляют лошадьми и скачут на них, и им дается лук сообразно их возрасту, и они учатся пускать стрелы, ибо они очень ловки, а также смелы.

III. Девушки и женщины ездят верхом и ловко скачут на конях, как мужчины. Мы также видели, как они носили колчаны и луки. И как мужчины, так и женщины могут ездить верхом долго и упорно. Стремена у них очень короткие, лошадей они очень берегут, мало того, они усиленно охраняют все имущество. Жены их все делают: полушубки, платья, башмаки, сапоги и все изделия из кожи, также они правят повозками и чинят их, выючат верблюдов и во всех своих делах очень проворны и скоры. Все женщины носят штаны, а некоторые и стреляют, как мужчины.

[...]

[18] Оттуда же он вернулся в свою страну и там создал множество законов и установлений, которые тартары безупречно соблюдают. Из коих мы расскажем о двух. Одно из них состоит в том, что если кто-либо, вознесясь гордыней, собственной властью, минуя выборы предводителей, захочет стать императором, то он должен быть убит без всякого сожаления. Поэтому перед выбором нынешнего императора Куйук-хана, согласно этому установлению, один из предводителей, внук самого Чингис-хана, был убит, ибо возжелал он править, не будучи избранным. Другое же установление состоит в том, что они должны подчинить себе всю землю и не должны иметь мира ни с одним народом, если только он не подчинился им, до тех пор, пока не настанет время их истребления.

[...]

Глава шестая

**О войне и разделении войск, об оружии и хитростях при столкновении,
об осаде укреплений и вероломстве их против тех, кто сдается им,
и о жестокости против пленных**

Сказав о власти, надлежит сказать о войне следующим образом: сперва о разделении, во-вторых, об оружии третьих, о хитростях при столкновении, в-четвертых, об осаде крепостей и городов, в-пятых, о вероломстве, которое они проявляют к тем, кто им сдается, и о жестокости, с которой они обращаются с пленниками.

§ I. О разделении войск

О разделении войск скажем таким образом: Чингис-кан приказал, чтобы во главе десяти человек был поставлен один (и он по-нашему называется десятником), а во главе десяти десятников был поставлен один, который называется сотником, а во главе десяти сотников был поставлен один, который называется тысячником, а во главе десяти тысячников был поставлен один, и это число называется у них тьма. Во главе же всего войска ставят двух вождей или трех, но так, что они имеют подчинение одному. Когда же войска находятся на войне, то если из десяти человек бежит один, или двое, или трое, или даже больше, то все они умерщвляются, и если бегут все десять, а не бегут другие сто, то все умерщвляются; и, говоря кратко, если они не отступают сообща, то все бегущие умерщвляются; точно так же, если один или двое, или больше смело вступают в бой, а десять других не следуют, то их также умерщвляют, а если из десяти попадают в плен один или больше, другие же товарищи не освобождают их, то они также умерщвляются.

§ II. Об оружии

I. Оружие же все по меньшей мере должны иметь такое: два или три лука, или по меньшей мере один хороший, и три больших колчана, полных стрелами, один топор и веревки, чтобы тянуть орудия. Богатые же имеют мечи, острые в конце, режущие только с одной стороны и несколько кривые; у них есть также вооруженная лошадь, прикрытия для голеней, шлемы и латы. Некоторые имеют латы, а также прикрытия для лошадей из кожи, сделанные следующим образом: они берут ремни от быка или другого животного шириною в руку, заливают их смолою вместе по три или по четыре и связывают ремешками или веревочками; на верхнем ремне они помещают веревочки на конце, а на нижнем в середине, и так поступают до конца; отсюда, когда нижние ремни наклоняются, верхние встают, и таким образом удваиваются или утраиваются на теле. Прикрытие лошади они делят на пять частей: с одной стороны лошади одну, а с другой стороны другую, которые простираются от хвоста до головы и связываются у седла, а сзади седла – на спине и также на шее; также на крестец они кладут другую сторону, там, где соединяются связи двух сторон; в этом куске они делают отверстие, через которое выставляют хвост, и на грудь также кладут одну сторону. Все части простираются до колен или до связей голеней; и пред лбом они кладут железную полосу, которая с обеих сторон шеи связывается с вышеназванными сторонами. Латы же имеют также четыре части; одна часть простирается от бедра до шеи, но она сделана согласно расположению человеческого тела, так как сжата перед грудью, а от рук и ниже облегает кругло вокруг тела; сзади же к крестцу они кладут другой кусок, который простирается от шеи до того куска, который облегает вокруг тела; на плечах же эти два куска, именно передний и задний, прикрепляются пряжками к двум железным полосам, которые находятся на обоих плечах; и на обеих руках сверху они имеют кусок, который простирается от плеч до кисти рук, которые также ниже открыты, и на каждом колене они имеют по куску; все эти куски соединяются пряжками. Шлем же сверху железный или медный, а то, что прикрывает кругом шею и горло, из кожи. И все эти куски из кожи составлены указанным выше способом.

II. У некоторых же все то, что мы выше назвали, составлено из железа следующим образом: они делают одну тонкую полосу шириною в палец, а длиною в ладонь, и таким образом они готовят много полос; в каждой полосе они делают восемь маленьких отверстий и вставляют внутрь три ремня, плотных и крепких, кладут полосы одна на другую, как бы поднимаясь по уступам, и привязывают вышеназванные полосы к ремням тонкими ремешками, которые пропускают чрез отмеченные выше отверстия; в верхней

части они вшивают один ремешок, который удваивается с той и другой стороны и сшивается с другим ремешком, чтобы вышеназванные полосы хорошо и крепко сходились вместе, и образуют из полос как бы один ремень, а после связывают все по кускам так, как сказано выше. И они делают это как для вооружения коней, так и людей. И они заставляют это так блестеть, что человек может видеть в них свое лицо.

III. У некоторых из них есть копыя, и на шейке железа копыя они имеют крюк, которым, если могут, стаскивают человека с седла. Длина их стрел составляет два фута, одну ладонь и два пальца, а так как футы различны, то мы приводим здесь меру геометрического фута: двенадцать зерен ячменя составляют поперечник пальца, а шестнадцать поперечников пальцев образуют геометрический фут. Железные наконечники стрел весьма остры и режут с обеих сторон наподобие обоюдоострого меча; и они всегда носят при колчане напильники для изощрения стрел. Вышеупомянутые железные наконечники имеют острый хвост длиною в один палец, который вставляется в дерево. Щит у них сделан из ивовых или других прутьев, но мы не думаем, чтобы они носили его иначе как в лагере и для охраны императора и князей, да и то только ночью. Есть у них также и другие стрелы для стрельяния птиц, зверей и безоружных людей, в три пальца ширины. Есть у них далее и другие разнообразные стрелы для стрельяния птиц и зверей.

§ III. О хитростях при столкновении

I. Когда они желают пойти на войну, они отправляют вперед передовых застрельщиков (граесурсорес), у которых нет с собой ничего, кроме войлоков, лошадей и оружия. Они ничего не грабят, не жгут домов, не убивают зверей и только ранят и умерщвляют людей, а если не могут иного, обращают их в бегство; все же они гораздо охотнее убивают, чем обращают в бегство. За ними следует войско, которое, наоборот, забирает все, что находит; также и людей, если их могут найти, забирают в плен или убивают. Тем не менее все же стоящие во главе войска посылают после этого глашатаев, которые должны находить людей и укрепления, и они очень искусны в розысках.

II. Когда же они добиваются до рек, то переправляются через них, даже если они и велики, следующим образом: более знатные имеют круглую и гладкую кожу, на поверхности которой кругом они делают частые ручки, в которые вставляют веревку и завязывают так, что образуют в общем некий круглый мешок, который наполняют платьями и иным имуществом, и очень крепко связывают; после этого в середине кладут седла и другие более жесткие предметы; люди также садятся в середине. И этот корабль, таким образом приготовленный, они привязывают к хвосту лошади и заставляют плыть вперед наравне с лошадью, человека, который бы управлял лошадью. Или иногда они берут два весла, ими гребут по воде и таким образом переправляются через реку, лошадей же гонят в воду, и один человек плывет рядом с лошадью, которою управляет, все же другие лошади следуют за той и таким образом переправляются через воды и большие реки. Другие же, более бедные, имеют кошель из кожи, крепко сшитый; всякий обязан иметь его. В этот кошель, или в этот мешок, они кладут платье и все свое имущество, очень крепко связывают этот мешок вверху, вешают на хвост коня и переправляются, как сказано выше.

III. Надо знать, что всякий раз, как они завидят врагов, они идут на них, и каждый бросает в своих противников три или четыре стрелы; и если они видят, что не могут их победить, то отступают вспять к своим; и это они делают ради обмана, чтобы враги преследовали их до тех мест, где они устроили засаду; и если их враги преследуют их до вышеупомянутой засады, они окружают их и таким образом ранят и убивают. Точно так же, если они видят, что против них имеется большое войско, они иногда отходят от него на один или два дня пути и тайно нападают на другую часть земли и разграбляют ее; при этом они убивают людей и разрушают и опустошают землю. А если они видят, что не могут сделать и этого, то отступают назад на десять или на двенадцать дней пути. Иногда также они пребывают в безопасном месте, пока войско их врагов не разделится, и тогда

они приходят украдкой и опустошают всю землю. Ибо в войнах они весьма хитры, так как сражались с другими народами уже сорок лет и даже более.

IV. Когда же они желают приступить к сражению, то располагают все войска так, как они должны сражаться. Вожди или начальники войска не вступают в бой, но стоят вдали против войска врагов и имеют рядом с собой на конях отроков, а также женщин и лошадей. Иногда они делают изображения людей и помещают их на лошадей; это они делают для того, чтобы заставить думать о большем количестве воюющих. Пред лицом врагов они посылают отряд пленных и других народов, которые находятся между ними; может быть, с ними идут и какие-нибудь Татары. Другие отряды более храбрых людей они посылают далеко справа и слева, чтобы их не видали их противники, и таким образом окружают противников и замыкают в середину; и таким образом они начинают сражаться со всех сторон. И, хотя их иногда мало, противники их, которые окружены, воображают, что их много. А в особенности бывает это тогда, когда они видят тех, которые находятся при вожде или начальнике войска, отроков, женщин, лошадей и изображения людей, как сказано выше, которых они считают за воителей, и вследствие этого приходят в страх и замешательство. А если случайно противники удачно сражаются, то Татары устраивают им дорогу для бегства, и как только те начнут бежать и отделяться друг от друга, они их преследуют и тогда, во время бегства, убивают больше, чем могут умертвить на войне.

Однако надо знать, что если можно обойтись иначе, они неохотно вступают в бой, но ранят и убивают людей и лошадей стрелами, а когда люди и лошади ослаблены стрелами, тогда они вступают с ними в бой.

§ IV. Об осаде укреплений

Укрепления они завоевывают следующим способом. Если встретится такая крепость, они окружают ее; мало того, иногда они так ограждают ее, что никто не может войти или выйти; при этом они весьма храбро сражаются орудиями и стрелами и ни на один день или на ночь не прекращают сражения, так что находящиеся на укреплениях не имеют отдыха; сами же Татары отдыхают, так как они разделяют войска, и одно сменяет в бою другое, так что они не очень утомляются. И если они не могут овладеть укреплением таким способом, то бросают на него греческий огонь; мало того, они обычно берут иногда жир людей, которых убивают, и выливают его в растопленном виде на дома; и везде, где огонь попадает на этот жир, он горит, так сказать, неугасимо; все же его можно погасить, как говорят, налив вина или пива; если же он упадет на тело, то может быть погашен трением ладони руки. А если они не одолевают таким способом и этот город или крепость имеет реку, то они преграждают ее или делают другое русло и, если можно, потопляют это укрепление. Если же это сделать нельзя, то они делают подкоп под укрепление и под землю входят в него в оружии. А когда они уже вошли, то одна часть бросает огонь, чтобы сжечь его, а другая часть борется с людьми того укрепления. Если же и так они не могут победить его, то ставят против него свой лагерь или укрепление, чтобы не видеть тягости от вражеских копий, и стоят против него долгое время, если войско, которое с ними борется, случайно не получит подмоги и не удалит их силою.

§ V. О вероломстве Татар и о жестокости против пленных

Но когда они уже стоят против укрепления, то ласково говорят с его жителями и много обещают им с той целью, чтобы те предались в их руки; а если те сдадутся им, то говорят: «Выйдите, чтобы сосчитать вас согласно нашему обычаю». А когда те выйдут к ним, то Татары спрашивают, кто из них ремесленники, и их оставляют, а других, исключая тех, кого захотят иметь рабами, убивают топором; и если, как сказано, они щадят кого-нибудь иных, то людей благородных и почтенных не щадят никогда, а если случайно, в силу какого-нибудь обстоятельства, они сохраняют каких-нибудь знатных лиц, то те не могут более выйти из плена ни мольбами, ни за выкуп. Во время же войн они убивают всех, кого берут в плен, разве только пожелают сохранить кого-нибудь, чтобы иметь их в качестве рабов.

Назначенных на убиение они разделяют между сотниками, чтобы они умерщвляли

их обоюдоострою секирою; те же после этого разделяют пленников и дают каждому рабу для умерщвления десять человек или больше, или меньше, сообразно с тем, как угодно начальствующим.

[...]

§ I. Как они заключают мир с людьми

I. Надо знать, что они не заключают мира ни с какими людьми, если те им не подчинятся, потому что, как сказано выше, они имеют приказ от Чингис-кана, чтобы, если можно, подчинить себе все народы. И вот чего Татары требуют от них: чтобы они шли с ними в войске против всякого человека, когда им угодно, и чтобы они давали им десятую часть от всего, как от людей, так и от имущества. Именно они отсчитывают десять отроков и берут одного и точно так же поступают и с девушками; они отвозят их в свою страну и держат в качестве рабов. Остальных они считают и распределяют согласно своему обычаю. А когда они получают полную власть над ними, то, если что и обещали им, не исполняют ничего, но пытаются повредить им всевозможными способами, какие только соответственно могут найти против них. Например, в бытность нашу в России, был прислан туда один Саррацин, как говорили, из партии Куйюк-кана и Бату, и этот наместник у всякого человека, имевшего трех сыновей, брал одного, как нам говорили впоследствии; вместе с тем он уводил всех мужчин, не имевших жен, и точно так же поступал с женщинами, не имевшими законных мужей, а равным образом выселял он и бедных, которые снискивали себе пропитание нищенством. Остальных же, согласно своему обычаю, пересчитал, приказывая, чтобы каждый, как малый, так и большой, даже однодневный младенец, или бедный, или богатый, платил такую дань, именно, чтобы он давал одну шкуру белого медведя, одного черного бобра, одного черного соболя, одну черную шкуру некоего животного, имеющего пристанище в той земле, название которого мы не умеем передать по-латыни, и по-немецки оно называется ильтис (iltis), поляки же и русские называют этого зверя дохорь (dochori), и одну черную лисью шкуру. И всякий, кто не даст этого, должен быть отведен к Татарам и обращен в их раба.

II. Они посылают также за государями земель, чтобы те являлись к ним без замедления; а когда они придут туда, то не получают никакого должного почета, а считаются наряду с другими презренными личностями, и им надлежит подносить великие дары как вождям, так и их женам, и чиновникам, тысячникам и сотникам; мало того, все вообще, даже и сами рабы, просят у них даров с великою надоедливостью, и не только у них, а даже и у их послов, когда тех посылают к ним. Для некоторых также они находят случай, чтобы их убить, как было сделано с Михаилом и с другими; иным же они позволяют вернуться, чтобы привлечь других; некоторых они губят также напитками или ядом. Ибо их замысел заключается в том, чтобы им одним господствовать на земле, поэтому они выискивают случаи против знатных лиц, чтобы убить их. У других же, которым они позволяют вернуться, они требуют их сыновей или братьев, которых больше никогда не отпускают, как было сделано с сыном Ярослава, неким вождем Аланов, и весьма многими другими. И если отец или брат умирает без наследника, то они никогда не отпускают сына или брата; мало того, они забирают себе всецело его государство, как, мы видели, было сделано с одним вождем Солангов.

III. Башафов (Baschathos), или наместников, своих они ставят в земле тех, кому позволяют вернуться; как вождям, так и другим подобает повиноваться их мановению, и если люди какого-нибудь города или земли не делают того, что они хотят, то эти башафы возражают им, что они неверны Татарам, и таким образом разрушают их город и землю, а людей, которые в ней находятся, убивают при помощи сильного отряда Татар, которые приходят без ведома жителей по приказу того правителя, которому повинуются упомянутая земля, и внезапно бросаются на них, как недавно случилось, еще в бытность нашу в земле Татар, с одним городом, который они сами поставили над Русскими в земле Команов. И не только государь Татар, захвативший землю, или наместник его, но и всякий

Татарин, проезжающий через эту землю или город, является как бы владыкой над жителями, в особенности тот, кто считается у них более знатным. Сверх того, они требуют и забирают без всякого условия золото и серебро и другое, что угодно и сколько угодно.

IV. Сверх того, если у тех государей, которые им сдались, возникают какие-нибудь спорные случаи, то им надлежит отправляться для разбирательства к императору Татар, как случилось недавно с двумя сыновьями царя Георгиании. Именно один был законный, а другой, имя которого было Давид, родился от прелюбодеяния; законного же звали Мелик; сыну прелюбодейки отец оставил часть земли; другой же, который был моложе, поехал вместе с матерью к императору Татар ради того, чтобы вышеупомянутый Давид предвосхитил путь к нему; мать другого, то есть Мелика, именно царица Георгианская, по которой муж владел царством, так как то царство находилось во владении по женщинам, умерла в дороге. Они же, по прибытии, роздали огромные подарки, в особенности же законный сын, требовавший части земли, которую отец оставил сыну своему Давиду, так как этот последний, будучи сыном прелюбодейки, не должен был владеть ей. Тот же отвечал: «Пусть я сын наложницы, все же я прошу, чтобы мне оказана была справедливость по обычаю Татар, не делающих никакого различия между сыновьями законной супруги и рабыни». Отсюда приговор был произнесен против законного сына, чтобы он подчинился Давиду, который был старше, и чтобы он владел спокойно и мирно тою землею, которую дал ему отец, и таким образом младший сын потерял розданные им дары и проиграл дело, которое вел против брата своего Давида.

V. Они берут дань также с тех народов, которые находятся далеко от них и смежны с другими народами, которых до известной степени они боятся и которые им не подчинены, и поступают с ними, так сказать, участливо, чтобы те не привели на них войска, или также чтобы другие не страшились предастся им, как они поступили с обезами, или георгианами, от которых, как сказано, они получают в качестве дани пятьдесят или сорок тысяч иперперов, или бизанциев. Другим народам они дают еще пребывать в спокойствии; однако согласно тому, что мы от них узнали, намереваются завоевать их.

(Цит. по кн. Образование Золотой Орды. Казань: Таткнигоиздат, 2008. С. 243-251, 257, 262-267)

Китай в III – начале X вв. (4 часа)

1. Кризис Хань и образование «варварских» государств в Китае.
2. Политика военных поселений и «уравнительного землепользования».
3. Крестьянская война IX века и закат Танской империи.

Доклады:

- «Троецарствие» в источниках и научной литературе.
- Варварская периферия Китая в раннее средневековье.
- «Буддистское завоевание» Китая (V-VI вв.).
- Культура Китая эпохи Тан (поэзия, литература, художественное ремесло).
- Китайский город времени династии Суй.

Источники и литература:

Бичурин Н.Я. Статистическое описание Китайской империи. М.: Восточный дом, 2002.

Документы и материалы по истории стран Азии и Африки в средние века. Ч. 1. Тамбов, 2000.

Е Лун-ли. История государства киданей. Пер. с кит. В.С. Таскина. М., 1979.

Законы Великой династии Мин. Т. 1. М., 1997; Т. 2. М., 2002.

Конфуций. Беседы и суждения. М.: Литература, 2006.
Ли Бо и Ду Фу. Избранная лирика. М., 1987.
Поэзия Китая эпохи Тан. М., 1987.
Танские новеллы. М., 1995.
Установление о соли и чае. Пер. с кит. Н.П. Свистуновой. М., 1975.
Цзинь-Шу (История династии Цзинь). Вэй-Шу (История династии Вэй. Комментарий // Материалы по экономической истории Китая в раннее средневековье. Пер. с кит. А.А.Бокщанина и Лин Кюньи. М., 1980. С. 27-56, 57-85, 121-192.

* * *

Абаев Н.В. Чань-буддизм и культурно-психологические традиции в средневековом Китае. Новосибирск, 1989.
Бежин Л.Е. Под знаком ветра и потока. М., 1982.
Бернштам Е.И. Очерк истории гуннов. Л., 1951.
Гордон А.В. Крестьянские восстания в Китае. Научно-аналитический обзор. М., 1984.
Гумилев Л.Н. Древние тюрки. В поисках вымышленного царства. М., 2008.
Гумилев Л.Н. История народа Хунну: Хунну; Хунны в Китае; Хунны в Азии и в Европе. М., 2008.
Елисеев Д. История Китая: Корни настоящего. М., 2008.
Зотов О.В. Китай как “универсальная” монархия и псевдоданичество “варваров” // Восток. 1994. № 2.
Илюшечкин В.П. Сословно-классовое общество в истории Китая (опыт системно-структурного анализа). М., 1986.
История Китая: Учебник / Л. С. Васильев, З. Г. Лапина, А. В. Меликсетов, А. А. Писарев. М., 2007.
История Китая с древнейших времен до наших дней. М., 1974.
Итс Р.Ф., Смолин Г.Я. Очерки истории Китая. Л., 1961.
Китай и соседи в древности и средневековье. М., 1970.
Конрад Н.И. Запад и Восток. Статьи. М., 1972.
Крюков М.В., Малявин В.В., Софронов М.В. Китайский этнос в средние века (VII-XIII вв.). М., 1984.
Крюков М.В., Малявин В.В., Софронов М.В. Китайский этнос на пороге средних веков. М., 1979.
Кульпин Э.С. Человек и природа в Китае. М., 1990.
Кычанов Е.И. История тангутского государства. СПб, 2008.
Кычанов Е.И. Основы средневекового китайского права. М., 1986.
Лапина З.Г. Политическая борьба в средневековом Китае. М., 1970.
Лапина З.Г. Учение об управлении государством в средневековом Китае. М., 1985.
Ло Гуаньгжун. Троецарствие. М., 1984.
Ловелл Д. Великая Китайская стена. М., 2008.
Малявин В.В. Гибель древней империи. М., 1982.
Малявин В.В. Китайская цивилизация. М., 2000.
Мугрузин А.С. Роль природного и демографического факторов в динамике аграрного сектора средневекового Китая. (К вопросу о цикличности докапиталистического воспроизводства) // Исторические факторы общественного воспроизводства в странах Востока. М., 1986.
Очерки истории Китая. Под ред. Шан Юэ. М., 1959.
Петров А.М. Великий шелковый путь. О самом простом, но мало известном. М., 1995.
Попова И.Ф. Политическая практика и идеология раннетанского Китая. М., 1999.
Рыбаков В.М. Танская бюрократия. Часть I. Генезис и структура. СПб., 2009.
Смолин Г.Я. Антифеодальные восстания в Китае второй половины 10 – первой четверти 12 в. М., 1974.

- Смолин Г.Я. Они бросили вызов небу: о крестьянской войне 874-901 гг. в Китае. СПб., 1999.
- Торчинов Е.А. Даосизм. СПб., 1993.
- Торчинов Е.А. Даосские практики. СПб., 2004.
- Тюрин А.Ю. Формирование феодальной зависимости крестьянства в Китае в III-VIII вв. М., 1980.
- Уинтл Д. История Китая. М., 2008.
- Фицджералд Ч. История Китая. М., 2008.
- Эбри П. Иллюстрированная история Китая. СПб., 2009.

КИТАЙ В РАННЕЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Время с 220 г. по 280 г. в истории Китая получило название эпохи Троецарствия. В эти десятилетия Китай был расчленен на три враждующих между собой части: царство Вэй на севере и центральных областях страны; Шу – на западе и юго-западе; У – на юго-востоке. В 280 году Китай на краткое время был объединен под властью единой династии Цзинь, но это объединение оказалось слишком кратковременным и уже в 290 году в стране снова вспыхнули междоусобицы. Начиная с 304-307 гг. север Китая подвергается постоянным нашествиям различных некитайских народов и племен. Это привело к отъезду правящих династий на юг в 318 году и до 420 года династия существовала под названием Восточная Цзинь.

На севере Китая наибольшую силу приобрело царство Северная Вэй, основанное знатью племени Тоба в 386 году. Начавшиеся в 523 году междоусобицы привели к распаду единой Вэй на Восточную Вэй (534-550 гг.) и Западную Вэй (535-557 гг.).

Политические перемены на юге и севере Китая сопровождались социальными и экономическими изменениями, из которых наиболее интересными с точки зрения постепенной феодализации страны имели процессы образования новых категорий зависимого и полузависимого населения в рамках политики «военных поселений» и падельной системы, ставших государственной политикой Цзинь и Вэй. Приведенные ниже отрывки из «Цзинь-Шу» («История династии Цзинь») и из «Вэй-Шу» («История династии Вэй») иллюстрируют происходившие перемены.

[Во времена династии] Хань, начиная с мятежа, [поднятого] Дун Чжо, народ нищал и покидал [насиженные места]. Стоимость 1 *ши* зерна доходила до 500 тыс. и более [монет]. Люди часто ели друг друга. Когда У-ди из династии Вэй подавил [восстание] «Желтых повязок», [он] вознамерился наладить управление всеми четырьмя сторонами света, но испытывал трудности из-за нехватки провианта для армии. [Тогда служивший в] Юйлиньцзянь Цзао Чжи, [выходец из области] Инчуань, предложил организовать военные поселения. Вслед за тем У-ди [из династии] Вэй [издал] приказ, /с. 5024 (1)/ гласивший: «Способ для установления стабильного государства заключается в том, чтобы [иметь] сильное войско и достаточно продовольствия. Люди [времен династии] Цинь объединили Поднебесную [благодаря проведению] срочных мер в сельском хозяйстве. Император Сяо-У-ди утвердил [свою власть] в Западном крае благодаря [созданию] военных поселений. Они являются достойным примером, [оставленным нам] предшествующими поколениями». Поэтому Жэнь Цзюнь был назначен *дяньнун-чжунланцзяном*. Стали вербовать народ для [работы] в военных поселениях в районе Сюй, дававших [государству] 1 млн. *ху* зерна. В областях и уделах назначили чиновников по надзору за полями. В течение нескольких лет всюду накопились запасы зерна, амбары и склады были полны. После смерти Цзао Чжи император У-ди из династии Вэй отметил его заслуги в посмертном поминании [усопшего] и пожаловал знатный титул его сыну.

В начале [эры правления] *Цзяньань* (196-220) более 100 тыс. семей, населявших Гуаньчжун, бежали оттуда в округ Цзинчжоу. Когда же [они] узнали, что в их родных

местах [воцарилось] спокойствие, то все с нетерпением стремились туда вернуться. Но [у них там уже] не было собственного хозяйства. Поэтому Вэй Цзи выступил с предложением: «Соль является великим богатством государства. С наступлением гибельных и смутных [времен] [она] стала свободно расходиться [среди народа]. Ныне следует по образцу прежних [времен] учредить уполномоченных по надзору за [ее] продажей [населению]. На выручку, полученную от этого, [надо] покупать плуги и волов и снабжать ими возвращающееся [в Гуаньчжун] население. Усердно обрабатывая землю, [они будут] накапливать зерно и тем [самым] обогатят Гуаньчжун. [Живущие] вдали [от родных мест] узнают об этом, и возвращающихся, которые будут обгонять друг друга, станет непременно еще больше». Поэтому У-ди [из династии] Вэй направил *ечжэ-пуе* надзирать за соляными чиновниками, [а резиденцию] *сыли-сяовэя* переместил в Хуннун. [Ранее] бежавшие люди действительно стали возвращаться, и Гуаньчжун стал богатым и обильным [краем].

Также еще Лю Фу из удела Пэй назначили *цзыши* в округ Янчжоу с административным центром в Хэфэе. [Он] расширил [площадь] военных поселений, отремонтировал все земляные плотины в Шаопи, Жупи, Цимэнь и Утан, чтобы оросить рисовые поля. [В результате] казна и частные [лица] стали получать накопления [зерна], и выгода [от этого] сказывалась в последующие эпохи.

Цзя Куй, будучи [начальником] округа Юйчжоу, на юге граничившего с царством У, вел приготовления [на случай] обороны и нападения [на соседа], [перегородил] земляной плотиной реку Жушуй, устроив новый водоем, и, кроме того, проложил канал для транспортных перевозок длиной более чем в 200 *ли*, получивший название канала Цзя-хоу.

В середине [эры правления] *Хуанчу* (220–226) начальники областей по всем четырем сторонам [света] увеличили распашку целинных земель, и поэтому государство [не испытывало] недостатка в средствах. В то время Янь Фэй из Цзибэй был назначен *тайшоу* в [область] Цзинчжао. Население Цзинчжао со времени мятежа Ма Чжао не проявляло усердия для [того, чтобы] преуспевать в сельском хозяйстве. [У них] не было ни повозок, ни волов. Янь Фэй [возложил] на население дополнительную повинность – приказал в свободные от сельскохозяйственных работ месяцы заготавливать материал для повозок и обучать друг друга мастерству [их изготовления]. Тем, у кого не было волов, [он] приказал разводить свиней [и, когда] цены [на них] будут высоки, продавать, чтобы [на вырученные деньги] купить волов. Поначалу все считали [эти меры] обременительными, [но] через один-два года все двory [в области] повсеместно имели повозки и волов. Это /с. 5024 (2)/ сохраняло [силы] и восполняло [средства тех, кто] нес повинность по [обработке] полей. Вскоре [область] Цзинчжао стала богатой и плодородной.

Чжэн Хунь был назначен *тайшоу* в область Пэй. Эта область располагалась в сырой низине и страдала от [частых] наводнений. Население [здесь терпело] нужду и голод. Чжэн Хунь [намеревался] возвести земляные плотины и соорудить водохранилища в уездах Сяосянь и Сянсянь, [чтобы] устроить рисовые поля. Никто из людей той области не считал это стоящим [делом]. Чжэн Хунь, полагая, что в конце концов это принесет выгоду на долгие времена, сам вывел население на эти работы. Все было сделано за одну зиму. [Затем] в течение нескольких лет собирали богатые урожаи, площадь полей из года в год увеличивалась, налогов [стало] поступать вдвое больше, чем обычно. Благодаря этому [все] в области получали выгоду. В честь этого была высечена надпись на камне, [а сооруженные водоемы] названы водохранилищами Чжэна.

В период [правления] императора Мин-ди из династии Вей Сюй Мяо был назначен в округ Лянчжоу. В этом месте [выпадало] мало дождей, и [люди здесь] постоянно страдали от нехватки зерна. Сюй Мяо подал императору [доклад, предлагая] возобновить [добычу] соли на озерах [близ] Увэй и Цзюцюань, с тем чтобы [на вырученные] деньги приобретать зерно у северных иноземцев. Кроме того, [он] расширил [площадь] поливных

полей и набирал бедный люд, [чтобы сдавать их ему] в аренду. Каждая семья стала [жить] богато и в достатке, амбары и склады до краев были полны [зерном]. Когда [Сюй Мяо] составил смету расходов, [то] кроме средств, [идуших] на военные нужды в пределах округа, оставались [средства] для покупки золота, парчи, собак и лошадей, что шло для обеспечения общегосударственных расходов. То, что люди из Западного края предоставляли дань и что денежные средства и товары находились в обращении по всей [стране], – все это заслуги Сюй Мяо.

После этого Хуанфу Лун был назначен *тайшоу* в Дуньхуан. [Население] Дуньхуана не умело изготавливать плугов с присоединенной к ним сеялкой. [Оно] не было также знакомо с использованием воды [для орошения полей]. Труд людей и волов [в земледелии] был очень велик, а урожаи зерна – весьма малые. Когда Хуанфу Лун прибыл [туда], он обучил [народ] делать плуги с присоединенной к ним сеялкой, а также научил пользоваться орошением. При подсчетах в конце года [оказалось, что] затраты необходимого труда сократились более чем вдвое, [а количество] полученного зерна возросло в пять раз. Западные районы [страны] стали изобильными.

В 4-м году [эры правления] *Цзяпин* в Гуаньчжуне случился голод. Сюань-ди предложил переселить 5 тыс. крестьян из округа Цичжоу в [уезд] Шангуйсянь [в качестве] арендаторов, [а также] наладить [добычу соли] на соляных озерах в Цинчжао, Тяньшу и Наньане, чтобы получить возможность увеличить военные ресурсы.

В 1-м году [эры правления] *Цинлун* (233) прорыли канал Чэнго от Чэньцансяня до Хуайлисяня и соорудили водохранилище Линьцзинь. Отвели [воду рек] Цзяньшуй и Лошуй для орошения более чем 3 тыс. *цин* солончаковой земли. Благодаря этому государство окрепло.

В 4-м году [эры правления] *Чжэньши* (243) Сюань-ди, командуя всеми войсками [царства Вэй], вновь пошел войной против генерала Чжугэ Кэ из царства У и сжег [все] его запасы [продовольствия и снаряжения]. Чжугэ Кэ сдал [свои] крепости и отступил. В связи с тем что Сюань-ди хотел расширить [площадь] пахотных полей и увеличить накопление зерна для осуществления планов по присоединению [новых земель], [он] направил Дэн Ая объехать земли от Чэнь и Сян на востоке вплоть до Шоучуня. Дэн Ай пришел к заключению, что пахотные земли [здесь] хороши, но мало воды, [и ее] не хватит, чтобы земля давала максимальную пользу. [Он считал, что] следует вырыть [здесь] канал, который даст возможность [с помощью орошения] увеличить запасы провианта для армии, а также явится путем для /с. 5024 (3)/ его перевозки. Тогда [он] написал трактат «Цзихэ лунь», чтобы разъяснить свои намерения.

[Дэн Ай] также считал [следующее]: «Прежде, когда было подавлено [восстание] «Желтых повязок», установить управление всеми четырьмя сторонами [света] удалось благодаря [организации] военных поселений, [позволивших создать] запасы зерна в столице Сюй. Ныне, когда отдаленные края в трех [из четырех сторон света] уже покорены, дело остается за [подчинением земель] к югу от реки Хуайхэ. Каждый раз, когда великая армия [царства Вэй] отправляется в поход, бóльшую ее половину [составляют] солдаты, [обеспечивающие] перевозку [продовольствия и снаряжения]. Усилия и затраты [на это] обходятся во много миллионов, что вызывает увеличение повинностей [народа]. Земли, лежащие между Чэнь и Цай, низинные, и пахотные поля [здесь] хорошие. [Поэтому] можно сократить количество рисовых полей близ Сюйчана и присоединить [используемую здесь для орошения] воду к [той, которая] пойдет на восточные [земли]. [Следует] приказать [поселить] к северу от Хуайхэ 20 тыс. человек и к югу от Хуайхэ 30 тыс. человек, чтобы [они], по очереди отдыхая, то обрабатывали землю как арендаторы, то обороняли [как солдаты]. [Если] воды [здесь будет] в изобилии, то постоянно будем получать урожаи в три раза больше, чем на западных [землях]. По моим подсчетам, за исключением всех затрат [на освоение новых земель], к концу года [мы] получим 5 млн. ху [зерна] для нужд армии. В течение шести-семи лет на землях [в районе реки] Хуайхэ можно будет скопить более 30 млн. ху [зерна]. Этого [будет вполне достаточно] для

прокормления 100 тыс. человек в течение пяти лет. [Тот, кто] использует такое средство [в борьбе] с неприятелем, никогда не сможет оказаться побежденным».

Сюань-ди одобрил эти [предложения] и сделал все так, как намечал Дэн Ай. И тогда [в районах], северным [краем] прилегающих к Хуайшуй, на протяжении более чем 400 *ли*, начиная от [земель] к югу от Чжунли[сяня] [и кончая землями] к западу от Хэнши вплоть до реки Пишуй, через каждые 5 *ли* устроили по одному военному лагерю. В каждом лагере [поселили] по 60 человек, [которые] обрабатывали землю как арендаторы и обороняли [ее как солдаты]. Отремонтировали и расширили два канала – Хуайян и Бэйчи. Воды Хуанхэ с севера соединились [благодаря этому] с реками Хуайхэ и Инхэ на юге. [Сток воды] регулировался главным образом [с помощью] водохранилищ к югу и к северу от реки Инхэ. Провели канал длиной более чем 300 *ли*, соединивший между собой [районы] к югу и к северу от Хуайхэ и [позволивший] оросить 20 тыс. *цинов* пахотных полей. От Шоу-чуня вплоть до столицы, примыкая друг к другу, [тянулись] пахотные поля военных [поселений, управляемых] чиновниками, [ведавшими] земледелием, [повсюду слышны] были кудахтанье кур и лай собак. Каждый раз, когда на юго-востоке возникали осложнения и великая армия [царства Вэй] выступала в карательный поход, [она могла] опускаться на юг и достигать рек Янцзы и Хуайхэ, плывя на кораблях. Появились запасы продовольствия и прекратились бедствия от наводнений – и все это было делом рук Дэй Ая.

Когда [династия] Цзинь получила приказ [Неба], У-ди пожелал усмирить и присоединить [земли] по ту сторону реки Янцзы. В те времена зерно было дешевым, а пеньковые ткани и шелк – дорогими. [Поэтому] император вознамерился прибегнуть к методу «соразмерной заготовки зерна»: покупать зерно, используя для этого пеньковые ткани и шелк, тем самым создавая запасы зерна. Обсуждавшие [этот проект] говорили, что средств на армию еще мало [и поэтому] не следует обменивать то, что дорого, на то, что дешево. Тогда во 2-м году [эры правления] *Тайши* (266) император издал указ, гласивший: «То, что население в изобильные годы потребляет сверх меры, а в неурожайные годы [испытывает] бедность и нужду, обусловлено законом природы о взаимном соответствии. Поэтому древние [государственные] мужи, соизмеряя потребности государства, приобретали излишки [в урожайные годы] и распределяли накопленное [в неурожайные]. Это и был метод «использования» дорогого и дешевого», [или же] «соразмерной заготовки зерна».

[Успешно] регулировать материальные средства, /с. 5024 (4)/ осуществлять на практике [их] равномерное [распределение] и оказывать благодеяния [народу], не неся [убыточных] расходов, – это самая лучшая политика. Однако, [поскольку] подобные мероприятия уже давно забыты, в Поднебесной редко кто осознает их необходимость. Кроме того, казенные запасы [зерна сейчас] невелики. [Мнения] тех, кто подавал доклады, различны, [но никто из них] не может постигнуть системы управления имуществом и ценностями. Кроме того, [если] допустить, что в урожайные годы богатства страны будут расплываться, а императорская [казна] ничего не приобретет, то в неурожайные годы бедные и слабые окажутся в трудном положении, а государство будет не в состоянии [им помочь]. Влиятельные люди и богатые торговцы, обладая [даже] малыми средствами, накапливают ценные запасы [зерна] и тем самым получают прибыль. Поэтому крестьянам [приходится] тяжело трудиться в своем хозяйстве, а занятия второстепенным делом невозможно прекратить. Отныне сокращаются повинности [тех, кто] занимается основным делом. Все силы [следует отдавать] пахоте и севу. [Я] хочу еще более возвысить труд земледельца, еще более воодушевить пахарей. А то похоже, что иной раз [цены на зерно так] подсакивают вверх, что это оказывается губительным для всех крестьян. Ныне следует повсеместно [начать] заготовку зерна, чтобы восполнить недостачу, когда случатся неурожайные [годы]. Те, кто возглавляет [эту работу, должны] беспристрастно [все] обсудить и представить в письменном виде [регулирующие эту

заголовку] правила». Однако в конечном итоге это мероприятие так и не было осуществлено.

В то время [район] Цзяннань еще не был покорен [династией Цзинь]. Императорский двор воодушевленно поощрял земледелие. В день *дин-хай* первого месяца 4-го года [эры правления] *Тайши* (268) император лично сделал [первую борозду] на пахотном поле. В день *гэн-инь* [того же месяца был издан] императорский указ, гласивший: «Только старшие чиновники областей и уездов [могут] добиться того, чтобы [все люди] в пределах Четырех морей отказались от второстепенных [дел] и обратились к основному [занятию], [чтобы] все силы и труд [отдавались] земледелию; [только эти чиновники] способны воспринять мои устремления, распространить [их по стране] и побудить население трудиться, радостно занимаясь своим делом. [Они должны] вести его за собой, благодарить его за труды и не зная в том устали, постоянно помнить, что они усердно исполняют [свои] служебные обязанности. Каждого *сяньлина*, *сяньчжана*, *сяна*, а также всех нижестоящих чинов в [управлениях] областями и уделами следует одарить племенной кобылой [из ведения] *чжундяньму* и *цзодяньму*».

В том же году (268) учредили «амбары постоянного равновесия». В изобильные [годы] заготавливали зерно, в неурожайные – зерно распродавали, чтобы принести пользу населению.

В день *гуй-сы* первого месяца 5-го года [эры правления *Тайши*] (269) [было дано] императорское распоряжение, предписывавшее чиновникам-счетоводам [во всех] областях и уделах, всем [*тай*]шоу, *сянам*, [*сянь*]линам и [*сянь*]чжанам во всех областях и уделах заниматься извлечением от земли всей [возможной] выгоды и пресечением бродяжничества и торговли с лотков. Те из них, кто [имел] отпуск, должны упорно трудиться [в земледелии] вместе со своими отцами и старшими братьями. Влиятельным и сильным не разрешается захватывать себе в услужение малоимущих и слабых [или] незаконным путем покупать [себе] почетные звания.

В двенадцатом месяце 1-го года [эры правления] *Сяньнин* (275) [был издан] императорский указ, гласивший: «Хотя, начиная с древности, было обычным [делом] выступать за пределы [страны] в военные [походы], а возвратившись, пахать [землю], однако, пока [военные] действия [требовали] усилий и не прекращались, постоянно приходилось [в первую очередь] заботиться о солдатах. Ныне следует поселить [в районе] Синьчэна рабов, [находящихся в распоряжении] *сигуань* в Е, чтобы заменить [местных] военнопоселенцев, возделывавших землю под рис. Из каждый 50 рабов формировать одно поселение. Управлять поселением будет *сыма*. Пусть [управление] полностью ведется по тем же законам, что и в военных поселениях».

Кроме того, были установлены нормы подворного налога. [Каждый] двор, [возглавляемый] совершеннолетним мужчиной, [должен был] ежегодно вносить налог в размере 3 кусов тонкого шелка и 3 *цзиней* шелка-сырца, а двор, [возглавляемый] женщиной или же совершеннолетним мужчиной второй категории, – в половину [меньше этого]. Всем, кто [живет] в пограничных областях, в отдельных случаях [снижали налог до] 2/3 [указанного размера], а [живущим] особенно далеко – до 1/3. Иноплеменники [должны] вносить налог тканями по 1 куску с [каждого] двора, а [живущие] особенно далеко – по 1 чжану.

Каждый мужчина [получал] во владение /с. 5026 (1)/ 70 му пахотной земли, [каждая] женщина – 30 му. Помимо того, [каждый] совершеннолетний мужчина [получал] 50 му урочной пахотной земли, [каждая] совершеннолетняя женщина – 20 му. Совершеннолетние мужчины второй категории [получали] половину этого [количества урочной земли], женщины [этой категории] урочной [земли] не [получали].

Мужчины и женщины от 16 до 60 лет считались истинно совершеннолетними; от 13 до 15 лет и от 61 года до 65 лет – совершеннолетними второй категории; младше 12 лет и старше 65 лет считались малыми и старыми, [они] не [обязаны] были трудиться.

[Живущим] в отдалении и не [получавшим] урочной пахотной земли иноплеменникам [полагалось] вносить налог рисом, [поставляемым] из чувства долга, – по 3 ху [риса] с каждого двора; [живущим] еще дальше – по 5 доу [риса]; [живущим] совсем далеко – вносить налог в пересчете на деньги: по 28 вэней с человека.

Чиновникам от первого до девятого ранга предоставлялась во владение пахотная земля в зависимости от того, высок или низок [их ранг]: тем, кто [имел] первый ранг, – 50 цинов, второй – 45, третий – 40, четвертый – 35, пятый – 30, шестой – 25, седьмой – 20, восьмой – 15 и девятый ранг – 10 цинов. К тому же обладавшие и высокими и низкими [чиновными] рангами [могли] укрывать [от налогов и повинностей] своих родственников, в крайнем случае до девятого колена, минимально до третьего поколения. Императорская, родня, государственные гости, потомки прежних мудрецов, сыновья и внуки людей ученого сословия также [пользовались] подобной [привилегией].

(Цит. Цзинь Шу по кн.: Материалы по экономической истории Китая в ранне средневековье. М., 1980. С. 35-40, 41, 45-46)

В 9-м году [эры правления Тайхэ] (485) был издан императорский указ о равной раздаче пахотных полей народу Поднебесной. Каждый взрослый мужчина от 15 лет и старше получал по 40 му чистого пахотного поля. [Каждая] женщина [получала по] 20 му [чистого пахотного поля]. [Надел] раба соответствовал [наделу] взрослого работника из доброго [народа]. На каждого вола [хозяин] получал [дополнительно] по 30 му пахотного поля, [но мог получать] не больше, чем на четырех волов. Чтобы обеспечить [нормальное ведение] пахотных работ, размеры получаемых пахотных полей удваивались, а при ведении трехпольной обработки пахотных полей – утраивались.

Когда [приходило время] сдавать обратно [в казну] взятые и получать [заново] выдаваемые земли, то все люди, достигшие возраста, [подлежащего] обложению налогом, получали пахотные поля, а пахотные поля стариков, освобождаемых [от налогов], и умерших возвращались [казне]. [Наделы] на рабов и волов, пока [они] имелись, не /с. 9978 (3)/ подлежали возврату [казне] и получению [заново]. Для всех полей, получаемых [под разведение] тутовника, не существовало [сроков] возврата [казне] и получения [снова]. Хотя в [размерах] добавочных наделов пахотных полей, присовокупляемых к [основному наделу], и [допускались] излишки, [но] после смерти [держателя] эти поля [целиком] возвращались [казне]. Если кому-либо не хватало земли до полного количества чистых пахотных полей, то они могли пополнять [свои] чистые пахотные поля за счет добавочных [полей].

Каждому мужчине, который впервые получал [надел] пахотной земли, давалось [еще] 20 му под урочные и неурочные посадки [деревьев]. [Полагалось высаживать по] 5 тутовых деревьев, 5 жужубов и 3 вяза. В тех местах, где тутовник не произрастал, взрослому мужчине давался 1 му земли, на которой он в соответствии с законом должен был высадить [установленное число] вязов и жужубов. Всем рабам [давались наделы под разведение деревьев] на тех же основаниях, что и доброму [народу].

По истечении трех лет [проверяли], полностью ли закончена [урочная] посадка [деревьев], и незасаженную землю отбирали [в пользу казны]. Часть земли, [отводимой] под тутовник и вязы, выделялась для различных [неурочных] посадок. Дополнительная [посадка] фруктовых деревьев, а также высаживание [здесь] большего, [чем положено], числа тутовых [деревьев] и вязов не возбранялись. На всех подлежащих возврату [казне] землях не разрешалось сажать тутовник, вязы и жужубы. Посадившие считались нарушителями приказа и приговаривались к возврату земельного надела.

Все земли, выделяемые под разведение тутовника, считались наследственными и не возвращались [казне] после смерти [владельца].

До сих пор всегда были люди, имевшие излишки [земли], которые [они] не получали [от казны] и не возвращали [ей]. /с. 9978 (4)/ [Чтобы] те, у кого [земли] не хватает, [могли] получить ее для обработки [в количестве], установленном законом, имеющим излишки [земли отныне] разрешалось продавать их, а [испытывающим] нехватку [земли] разрешалось покупать то [количество], которого у них не доставало [до нормы]. Не разрешалось продавать свой надел. Не разрешалось также покупать [земли] больше, чем ее не хватает [до установленной нормы].

[Каждый] взрослый мужчина также наделялся землей для урочной [выделки] пеньковых тканей. Помимо [прочих наделов ему] давали 10 му под коноплю, женщине – 5 му. Рабам [выделялись наделы под коноплю] на тех же основаниях, что и доброму [народу]. Все [наделы], получаемые [под коноплю], согласно закону подлежали возврату [казне] и получению [их снова].

Всем имеющимся во дворах старикам, малым [детям], немощным и калекам не [полагалось] предоставлять землю, [но по желанию] тем, кому было более 11 лет, а также немощным [разрешалось] брать [надел] вполтину [размера надела] взрослого мужчины. Тем, кому было более 70 лет, [разрешалось] не возвращать [казне] полученные [наделы]. Вдовам, которые блюдут высокие принципы, также предоставлялся [полный] женский [надел] земли, хотя [они] и освобождались от урочных [повинностей].

Возврат [казне] и получение [новых] полей народом постоянно, но [производились] в первом месяце [года]. Если кто, получив землю, вдруг умирал или же [если кто] прикупал или продавал рабов и волов, то для положенного возврата [земли казне] или получения [ее] – [во всех случаях] необходимо было дожидаться первого месяца следующего года.

В местах, где [свободные] земли обширны, а население редкое, [разрешалось] брать столько [земли], сколько могли [обработать]. Если чиновные власти привлекали [в такие места] народ для посевных и посадочных [работ в порядке] повинности, то тем, кто [оставался] в этих местах /с. 9979 (1)/ [на постоянное] жительство, предоставлялись [наделы], размеры которых были установлены законом.

В тех местах, где [размеры свободной] земли были ограничены и имелось много взрослых мужчин, [которым полагалось] получать землю и которые не желали переселяться [в другие районы], разрешалось превращать поля своей семьи, [выделенные под разведение] тутовника, в поля основного надела. [Если] все же не доставало [земли для раздачи], то не давали добавочных полей, [а если] и тогда не хватало, то по-разному сокращали наделы членам семьи. В тех волостях, где тутовник не [растет], такие [меры] считались правилом.

Тем, кто желал переселиться [в другие районы], позволялось расхватывать пустоши и необработанные [земли] в неограниченном [количестве]. [Переселившимся] в другие округа и области не разрешалось лишь уклоняться от работы и покидать эти земли. В тех местах, где [земли] было достаточно [для обеспечения всех наделами, народу] запрещалось без [особых] причин покидать [свои наделы].

Всем людям, переселившимся на новое место жительства, выдавали по 1 му земли на [каждые] три человека для [постройки здесь] жилого дома. Рабам [для постройки дома] давали 1 му на [каждые] пять человек.

[Все] мужчины и женщины от 15 [лет] и старше, в соответствии с [количеством] земли и людей в их [хозяйстве, должны производить] урочную посадку овощей [на площади] в 1 му из [каждых] 5 му [своего] надела.

[При раздаче] наделов все основные [наделы] должны примыкать друг к другу, добавочные – [также] примыкать друг к другу. Не разрешалось отделять [их] и [давать] вперемежку. Поля, которые получали мужчины, достигшие совершеннолетия, всегда [должны были] примыкать к близлежащим [полям] соответствующей [категории].

Если [земельные наделы] выдавали в одно время бедным и богатым, то сначала [их] давали бедным, а затем /с. 9979 (2)/ богатым. При повторной [раздаче] добавочных полей [поступать] подобным образом [во всех случаях] считалось правилом.

Брошенные дома, тутовник и вязы тех, кто уходил в далекие [края] или отправлялся в ссылку, не оставляя сыновей и внуков, а также [имущество] запустелых дворов – все полностью поступало в [фонд] общественных полей, из которых предоставляли [наделы]. Эти [наделы], подлежащие перераспределению, по правилам [полагалось] передавать [в первую очередь] родственникам [бывших хозяев]. Не [подлежавшие] передаче [жилые] помещения также передавались их родственникам, [но] заимообразно.

Каждый чиновник, управляющий народом, получал по месту [службы землю] из общественных полей. *Цыши* [полагалось] 15 *цинов*, *тайшоу* – 10, *чжичжуну* и *бецзя* – каждому по 8, *сяньлину* и *цзюньчэну* – каждому по 6 *цинов*.

(Цит. Вэй-Шу по кн.: Материалы по экономической истории Китая в раннее средневековье. М., 1980. С. 63-66, 76)

В 581 году в результате дворцового переворота полководец Ян Цзянь создал новую династию – Суй и к 589 году под ее властью вновь объединил весь Китай. Эта династия просуществовала до 618 года, когда новые распри обрекли Суй на гибель и на ее обломках возникла мощная «всекитайская» держава Тан. Но кратковременная история Суй интересна с точки зрения процесса укрепления центральной власти, восстановления хозяйства страны. Сведения об этом можно найти во фрагментах приводимой ниже «Суй Шу» («Истории династии Суй»).

В 9-м году [эры правления *Кайхуан*] (589) было покорено [государство] Чэнь. Сам император, восседая в [палате] Чжуцяомэнь, вознаграждал за заслуги вернувшиеся с победой войска. Для проведения [этого] чествования и вознаграждения по обеим сторонам пути от Чжуцяомэня до южных предместий [города] были разложены груды говядины и шелков, чтобы по мере прохождения [войск] раздавать [их солдатам]. На это израсходовали более 3 млн. отрезов [шелка].

Ввиду того что территория к югу от реки Янцзы была только что присоединена, император освободил ее [от налогов] на 10 лет. Все остальные округа тогда также были освобождены от налогов на текущий год. В пятом месяце 10-го года [эры правления *Кайхуан*] (590), ввиду того что во всей вселенной /с. 11204 (2)/ не было [военных] забот, еще больше сократили налоги и повинности: с людей, достигших 50 лет, перестали взимать налоги и не стали привлекать их к несению [повинностей].

В 11-м году [эры правления *Кайхуан*] (591) опять [произошел] бунт [в районе] Цзяннань. *Юэго-гун* Ян Су [пошел туда] карательным походом и подавил его. Войскам, вернувшимся [из этого похода] были [розданы] очень щедрые подарки. В других [случаях], когда войска отправлялись в поход, [также] приказывали [выдавать им] вознаграждение, и не было [солдат], которые не [получили] бы обильных и щедрых [наград].

В 12-м году [эры правления *Кайхуан*] (592) ведающие тем чиновные власти докладывали императору, что все склады и хранилища наполнены [добром]. Император спросил: «Раз я ослабил [собираемые] с народа налоги и расходовал большие [средства] для раздачи подарков, то откуда же это взялось?» Те отвечали: «Потребляемые [средства] постоянно расходуются, а получаемые [от налогов средства] постоянно поступают. [И хотя], по приблизительным подсчетам, расходы на подарки ежегодно достигают 1 млн. отрезков [ткани], [происходит все же] увеличение [средств], а не сокращение». Поэтому

тогда дополнительно открыли пристроенные слева к [дворцовым] складам помещения, чтобы держать там [получаемые средства].

Был дан императорский указ, гласивший: «Только когда [обеспечивается] богатство и просвещение, [люди] познают бескорыстие и стыдливость. Пусть лучше [добро] накапливается у людей, нежели хранится в правительственных кладовых. [Повелеваю] в нынешнем году [в районах] Хэбэй и Хэдун поземельную подать снизить на 1/3 часть, [для людей] военного [сословия] снизить [ее] наполовину, [а] трудовые [повинности] и подворный налог полностью отменить».

Кроме того, построили [корабли типа] *лунчжоу*, *фэнта*, *хуанлун*, *чицзянь*, *лоучуань* и *мефан*. Стали вербовать корабельщиков различных специальностей /с. 11206 (3)/ и называли их дворцовыми перевозчиками. Нарядили их в парчу, [снабдили] походными поясными сумками, дали им в руки ляжки из зеленого шелка, за которые [они] тянули ладьи, – [и все это] ради счастливого [путешествия императора] в [город] Цзянду. Император восседал на [корабле] *лунчжоу*. Гражданским и военным чиновникам от пятого ранга и выше предоставляли корабли *лоучуань*, а от девятого ранга и выше [вплоть до пятого] – *мефан*. В корму одного корабля почти упирался нос другого, вереница их растянулась более чем на 200 *ли*. Всем округам и уездам, через которые [они] следовали, приказано было снабжать [едущих] продовольствием. Тех [из местного начальства], кто представлял продовольствие в изобилии, отмечали повышением в чинах, тех, кто [подносил его] недостаточно, наказывали, вплоть до смертной казни.

Кроме того, пышно украсили императорские паланкины, повозки, возки, тянувшиеся вручную, экипажи флажками и опахалами из птичьих перьев. Все округа и уезды Поднебесной обложили налогами: [взимали] различного рода кость, рог, слоновую кость, кожу, пух и перья – требовали все, из чего можно сделать украшения, все пригодное для изготовления уборов из перьев и декорированной перьями одежды. [Эти] налоги собирались в спешке: утром [поступал] приказ, а к вечеру [его надлежало] исполнить. Население повсюду, на воде и на суше, выискивало и вылавливало сетями диких птиц и зверей. [Их истребили] почти полностью, но все же не смогли предоставить [требуемого количества]. И тогда [люди] стали скупать [эти вещи] у накопивших запасы влиятельных и богатых домов. Цены на них резко подскочили. В тот год каждый хвост длиннохвостого фазана стоил 10 [кусков] тонкого плотного шелка, а молодая белая цапля – половину этой [цены].

В том же году император лично [возглавил] поход против *тугухуней* и разбил их у [города] Чишуя. Мужун Фуюнь, собрав своих домочадцев и подчиненных, бежал на запад к [озеру] Цинхай. Император остановил войска и не [стал] продвигаться [дальше]. [Вскоре] наступил сезон проливных дождей. [Когда, возвращаясь], войска проходили через ущелье Дадоуба, то из каждых десяти солдат погибло по двое-трое, а из каждых десяти лошадей и ослов – по восемь-девять. Поэтому [на захваченных у *тугухуней* землях] учредили область Хэюань и /с. 11207 (1)/ военный пост Цзиши. Кроме того, на землях Западного края учредили области Сихай, Шаньшань и Цемо, [куда] стали ссылать преступников со всей Поднебесной служить солдатами пограничной стражи. [Там] начали усиленно создавать военные поселения. Для обеспечения [военнопоселенцев туда] отправляли продовольствие из различных западных областей. Путь [в эти края] был далеким, опасным, и [едущие] подвергались разбойничьим грабёжам, [вдоль дороги] беспрерывно [валялись] трупы.

В 6-м году [эры правления *Дае*] (610) в связи с предстоящим походом против Гаоли ведающие тем чиновные власти доложили, что [в армии] уже имеются большие потери боевых коней. Императорским указом [предписывалось] обложить дополнительным налогом богатых людей по всей Поднебесной: [они] соответственно [оценке] их имущества выплачивали деньги для закупки боевых коней, [чтобы] довести их численность до первоначальной. Срок [действия этого налога] предписывалось [установить до тех пор, пока] не будет приобретено достаточно [лошадей]. Вновь

проверили по описи [наличие] армейского снаряжения и оружия. Приказали, чтобы все оно было новое и пригодное. Люди, злоупотреблявшие [в этом деле], тотчас же приговаривались к обезглавливанию. В результате [число] лошадей достигло 100 тыс. голов.

Зимой 7-го года [эры правления *Дае*] (611) в области Чжо сосредоточилась вся [армия]. Часть войск с юга, из района Цзян-Хуай, присоединили к флоту, [которым] командовал *дацзянцизюнь* из личной охраны императора Лай Хуэр. [Его флот] шел отдельно [от главных сил] по синему морю, растянувшись на много сотен *ли* так, что нос [следовавшего] корабля [упирался в] корму [впереди идущего], и вез продовольствие для армии. Предполагалось, что [эти войска и флот] соединятся с главными силами у Пинжана.

В этом году в [районах] Шаньдун и Хэнань [случилось] большое наводнение. [Земли] более сорока областей то затапливались, то вновь освобождались [от воды]. К этому добавилось новое поражение в Ляодуне. Погибло несколько сотен тысяч [человек]. Особенно много [погибло] в [районе] Шаньдун из-за вспыхнувшей там эпидемии. Повсюду всем вменялось в обязанность поставлять в виде налоговых поборов все необходимое для армии. И хотя население было измучено, никто о нем не печалился.

Всякий раз, когда [назначали] срочные трудовые повинности и срочные налоги, /с. 11207 (2)/ старшие чиновники предварительно скупали по дешевой цене то, что требовалось для [уплаты] налога, а затем объявляли [приказ] нижестоящим и продавали [скупленное] людям по дорогой цене. С утра до вечера цена [могла] подскочить в несколько раз. Налоги и поборы взимались непрерывно. [Поэтому] те, кто имел силу, собирались в шайки и становились разбойниками, а те, кто был слаб, продавали себя в рабство.

(Цит. Суй Шу по кн.: Материалы по экономической истории Китая в ранне средневековье. М., 1980. С. 103-104, 111-113)

См. также эдикт Сыма Яня о «наделении» землей (Западное Цзинь, 280 г.) и земельные эдикты Северного Вэй (386-523 гг.)

*А. Эдикт Сыма Яня
(280 г., Западное Цзинь)*

1. Мужчина держит поле (чжань тянь) [площадью] 70 му, женщина – 30 му [25, цз. 26, с. 136; 24, цз. 1, с. 15а; 9, цз. 2, с. 46; 29, цз. 495, с. 126].

2. В окрестностях столицы площадь полей большого го (да го) [не превышает] 15 цин, среднего го (цы го) – 10 цин, малого го (сяо го) – 7 цин [25, цз. 26, с. 14а; 24, цз. 1, с. 15а; 9, цз. 65, с. 27а; 29, цз. 505, с. 86].

3. Чиновники 1-9-го рангов держат поля (чжань тянь): 1-го ранга 50 цин, 2-го ранга – 45 цин, 3-го ранга – 40 цин, 4-го ранга – 35 цин, 5-го ранга – 30 цин, 6-го ранга – 25 цин, 7-го ранга – 20 цин, 8-го ранга – 15 цин, 9-го ранга – 10 цин [25, цз. 26, с. 13а; 24, цз. 1, с. 146; 9, цз. 65, с. 27а; 29, цз. 495, с. 116].

4. Разрешается брать под покровительство (инь) людей в качестве ишикэ и дянькэ. [Чиновникам] 6-го ранга и выше разрешается [иметь] трех ишикэ, 7-го и 8-го рангов – двух, 9-го ранга – одного.

Чиновникам 1-го и 2-го рангов разрешается иметь не более 40 дворов дянькэ, 3-го ранга – не более 35 дворов, 4-го ранга – не более 30 дворов, 5-го ранга – не более 25 дворов, 6-го ранга – не более 20 дворов, 7-го ранга – не более 15 дворов, 8-го ранга – не более 10 дворов, 9-го ранга – не более 5 дворов [25, цз. 26, с. 14а; 24, цз. 1, с. 15а; 9, цз. 65, с. 27а-27б; 29, цз. 505, с. 9а].

Б. Эдикты периода Северного Вэй

1. Мужчины в возрасте старше 15 лет получают «открытое поле» [площадью] 40 му, женщины – 30 му [8, цз. 110, с. 56; 24, цз. 1, с. 176; 9, цз. 2, с. 126; 29, цз. 495, с. 14а].

2. Рабы (ну) и рабыни (бэй) получают столько же земли, сколько и добрые (лян) [8, цз. 110, с. 56; 24, цз. 1, с. 176; 9, цз. 2, с. 126; 29, цз. 495, с. 14а].

3. На одного взрослого быка дается 30 му земли, но не более, чем на четырех быков [8, цз. 110, с. 56; 24, цз. 1, с. 176; 9, цз. 2, с. 126; 29, цз. 495, с. 14а].

4. Площадь получаемой земли удваивается, [если земля оставляется под паром в течение одного года], [площадь ее], если она остается под паром в течение двух лет, утраивается. Это делается для того, чтобы земли отдыхали от пахоты [8, цз. 110, с. 56; 24, цз. 1, с. 176-18а; 9, цз. 2, с. 126; 29, цз. 495, с. 14а].

5. Основные наделы (чжэн) и наделы за землю, остающуюся под паром (бэй), должны быть отграничены друг от друга [8, цз. 110, с. 66; 24, цз. 1, с. 19а; 9, цз. 2, с. 136; 29, цз. 495, с. 156].

6. При получении земли на взрослых членом семьи надел должен находиться близко к жилью [8, цз. 110, с. 66; 24, цз. 1, с. 19а; 9, цз. 2, с. 136; 29, цз. 495, с. 156].

7. При одновременном наделении землей сначала ее получает бедный, а потом богатый, при утроении площади земли это правило принимает силу закона [8, цз. 110, с. 66; 24, цз. 1, с. 19а; 9, цз. 2, с. 136; 29, цз. 495, с. 156].

(Цит. по кн.: Тюрин А.Ю. Формирование феодально-зависимого крестьянства в Китае III-VIII вв. М.: Наука, 1980. С. 108)

В приложении содержатся также стихи двух крупнейших поэтов Танской эпохи (618-906 гг.) Ду Фу (712-770 гг.) и Ли Бо (701-762 гг.), бывших современниками. Помимо совершенной поэтической формы их произведения содержат реакцию на произвол власти и переживаемые Китаем невзгоды.

*Стихи в пятьсот слов о том,
что у меня было на душе,
когда я из столицы направлялся
в Фэнсян*

В Дулине
Человек в пеньковом платье

Хоть постарел,
А недалек умом:

Как мог такую глупость
Совершать я,

Чтоб с Цзи и Се
Равнять себя тайком?

А просто
Во дворце я непригоден.

И надо мне

Безропотно уйти.

Умру – поймут,
Что о простом народе

Всегда я думал,
До конца пути.

И сердца жар,
Бредя тропой земною,

Я отдавал народу
Всей душой.

Пусть господа
Смеются надо мною,

Но в громких песнях
Слышен голос мой.

Не то чтоб не хотел
Уйти от шума

И жить, не зная
Горя и тревог, –

Но с государем,
Что подобен Шуню,

Расстаться добровольно
Я не мог.

Не смею утверждать,
Что ныне нету

Людей, способных
Управлять страной,

Но, как подсолнечник
Стремится к свету,

Так я стремился
Верным быть слугой.

Я думаю
О стае муравьиной,

Что прячется
В тиши спокойных нор.

А я хотел,
Как истинный мужчина,

На океанский
Вырваться простор.

Для этого
И жить на свете стоит,

А не искать вниманья
У вельмож.

Пусть пыль забвения
Меня покроет.

Но на льстецов
Не буду я похож.

Сюй Ю и Чао Фу
Не так страдали,

Стыжусь –
А измениться не могу.

Вином пытаюсь
Разогнать печали

И песнями –
Гнетущую тоску.

Теперь зима,
И листья облетели,

От ветра
Треснут, кажется, холмы.

Ночные небеса
Грозят метелью.

И я бреду
Среди угрюмой тьмы.

Окоченели пальцы –
Силы нету,

А пояс развязался,
Как на грех.

Но до Лишани
Доберусь к рассвету,

Где государь
Пирует без помех.

Кольшутся знамена,
Как в столице,

В дозоре гвардия –
На склонах гор.

Над Яочи
Горячий пар клубится,

И блеск оружия
Ослепляет взор.

Здесь государь
Проводит дни с гостями.

Я слышу –

Музыка звучит опять.

Те, кто в халатах
С длинными кистями,

Купаться могут здесь
И пировать.

Но шелк, сияющий
В дворцовом зале –

Плод женского
Бессонного труда.

Потом мужчин
Кнутами избивали –

И подати
Доставили сюда.

И если
Государь наш горделивый,

Тот дивный шелк
Сановникам даря,

Хотел, чтоб власти
Были справедливы –

То не бросал ли он
Подарки зря?

Да, здесь чиновников
Полно повсюду,

А патриотам –
Не открыть сердца.

К тому ж, я слышал,
Золотые блюда

Увезены
Из алого дворца.

И три небесных феи
В тронном зале,

Окутав плечи
Нежной кисеей,

Под звуки флейт,
Исполненных печали,

С гостями веселятся
День-деньской.

И супом
Из верблюжьего копыта

Здесь потчуют
Сановных стариков,

Вина и мяса
Слышен запах сытый,

А на дороге –
Кости мертвецов.

От роскоши
До горя и бесправья –

Лишь шаг,
И нет упрека тяжелей.

Я колесницу
К северу направил,

Чтобы добраться
К рекам Цинн и Вэй.

Тяжелый лед
На реках громоздится

Везде,
Куда ни взглянешь на пути.

Уж не с горы ль Кунтун
Он вдаль стремится,

Как бы грозя
Небесный Столб снести?

Плавающий мост
Еще не сломан, к счастью,

Лишь балки
Неуверенно скрипят,

И путники
Сквозь ветер и ненастье

Скорее перейти его
Спешат.

Моей семьи
Давно уж нет со мною,

И снег, и ветер
Разделили нас,

Я должен снова
Встретиться с семьей,

И вот ее
Увижу я сейчас.

Вхожу во двор –
Там стоны и рыдания:

От голода
Погиб сынишка мой.

И мне ль – отцу –
Скрывать свое страданье,

Когда соседи
Плачут за стеной?

И мне ль – отцу –
Не зарыдать от боли,

Что голод
Сына моего убил,

Когда все злаки
Созревали в поле,

А этот дом
Пустым и нищим был?

Всю жизнь
Я был свободен от налогов,

Меня не слали
В воинский поход.

И если так горька
Моя дорога,

То как же бедствовал
Простой народ?

Когда о нем
Помыслию поневоле

И о солдатах,
Павших на войне, –

Предела нет
Моей жестокой боли,

Ее вовеки
Не измерить мне!

Лунная ночь

Сегодняшней ночью
В Фучжоу сияет луна.

Там в спальне печальной
Любуется ею жена.

По маленьким детям
Меня охватила тоска –

Они о Чанъани
И думать не могут пока.

Легка, словно облако
Ночью, прическа жены,

И руки, как яшма,
Застыли в сиянье луны.

Когда же к окну
Подойдем мы в полуночный час.

И в лунном сиянии
Высохнут слезы у нас?

Весенний пейзаж

Страна распадается с каждым днем.
Но природа – она жива:

И горы стоят, и реки текут,
И буйно растет трава.

Трагедией родины удручен,
Я слезы лью на цветы.

Я дал бы десять тысяч монет
За весточку от семьи.

И вздрогнет душа – если птица вдруг
Крикнет из темноты.

Хочу надеть головной убор,
Но так ослабела плоть

Три месяца кряду горят в ночи
Сигнальных костров огни.

И волосы так поредели мои,
Что шпилькой не заколоть.

Деревня Цяицунь

Закат
В своем сиянье золотом

Из бурь
Гражданской смуты и войны

Поток лучей
Бросает на равнину.

Случайно я
Вернулся невредимым.

Когда я гостем
Возвращаюсь в дом,

Соседи за стеной,
Сойдясь в кружок,

Меня встречает
Гомон воробьиный.

Не устают
Судачить и толпиться.

И домочадцы
Так изумлены,

Густеет мрак.
Но я свечу зажег,

Что я для них
Как бы окутан дымом:

Чтобы всю ночь
Родные видеть лица.

<...>

*(Цит. Ду Фу. Из кн.: Поэзия эпохи Тан. М.:
Художественная литература, 1987. С. 166-175)*

Осенние думы

У дерева Яньчжи желтые падают листья,
Приду, погляжу – сама поднимусь на башню.
Над морем далеким лазурные тучи прорвались,
От хана-Шаньюя осенние краски идут.
Войска кочевые в песчаной границе скопились,
А ханьский посол вернулся из Яшмы-Заставы.
Ушедший в поход, не знаю, когда он вернется,
напрасно грущу, что цветок орхидеи завянет.

Луна над пограничными горами

Луна над Тянь-Шанем восходит, светла,
И без облаков океан,
И ветер принесся за тысячу ли

Сюда, на заставу Юймынь.
С тех пор, как китайцы пошли на Бодэн,
Враг рыщет у бухты Цинхай,
И с этого поля сраженья никто
Домой не вернулся живым.
И воины мрачно глядят за рубеж –
Возврата на родину ждуг,
А в женских покоях как раз в эту ночь
Бессонница, вздохи и грусть.

За вином

Говорю я тебе:
От вина отказаться нельзя, –

Вспомни, друг мой, о предках –
Их нету на свете давно.

Ветерок прилетел
И смеется над трезвым тобой.

Погляди, как деревья –
Давнишние наши друзья, –

Раскрывая цветы,
Наклонились над теплой травой.

А в кустарнике иволга
Песни лепечет свои,

В золотые бокалы
Глядит золотая луна.

Тем, кто только вчера
Малолетними были детьми,

Тем сегодня, мой друг,
Побелила виски седина.

И терновник растет
В знаменитых покоях дворца,

На Великой террасе
Олени резвятся весь день.

Где цари и вельможи?
Лишь время не знает конца,

И на пыльные стены
Вечерняя падает тень.

Все мы смертны. Ужели
Тебя не прельщает вино?

*(Цит. Ли Бо. Из кн.: Поэзия эпохи Тан. М.:
Художественная литература, 1987. С. 111, 114,
124-125)*

Япония в средние века (2 часа)

- «Будосесинсю» – путь война.
- Проблема этногенеза японцев.
- Самурайство: сословие и его менталитет.

Источники и литература:

Документы и материалы по истории стран Азии и Африки в средние века. Ч. 1. Тамбов, 2000.

Идеалы самураев. Сочинения японских воинов. СПб., 1999.

Книга самурая. СПб., 2000.

Кокин Вакасю. М., 1995.

Манъесю (Собрание листьев). М., 1987.

Мурасаки Сикибу. Дневник. СПб., 1996.

Мурасаки Сикибу. Повесть о Гэндзи. М., 1991.

Повесть о доме Тайра. М., 1982.

Попов К.А. Законодательные акты средневековой Японии. М., 1984.

Сказание о Есицуне. М., 1985.

Сэн-Сенагон. Записки у изголовья. Классическая японская проза 11-14 вв. М., 1988.

Юдзан Дайдодзи. Будосесинсю. – любое издание.

Ямамото Цунэтомо. Хагакурэ (Сокрытое в листе). – любое издание.

* * *

Анарина Н.Г. Японский театр Ноо. М., 1984.

Брайант Э., Тернбулл С. История самураев: Подробный рассказ об истории японской военной аристократии. М., 2007.

Вие М. История Японии с древних времен до эпохи Мэйдзи. М., 2009.

Воробьев М.В. Япония в 3-7 вв.: этнос, общество, культура и окружающий мир. М., 1980.

Данн Ч. Повседневная жизнь в старой Японии. М., 1977.

Данн Ч. Традиционная Япония: Быт, религия, культура. М., 2006.

Долин А.А., Попов Г.В. Кэмпо-традиция воинских искусств. М., 1990.

Елисеев Д. История Японии: Между Китаем и Тихим океаном. М., 2009.

Игнатович А.Н. Буддизм в Японии. М., 1987.

Киддер Дж.Э. Япония до буддизма: Острова, заселенные богами. М., 2003.

Конрад Н.И. Избранные труды: история. М., 1974.

Конрад Н.И. Избранные труды: литература и театр. М., 1978.

Конрад Н.И. Очерки истории культуры средневековой Японии. М., 1980.

Кузнецов Ю.Д., Навлицкая Г.Б., Сырицын И.М. История Японии. М., 1988.

Мещеряков А.Н. Древняя Япония: Буддизм и синтоизм. Проблема синкретизма. М., 1987.

Мещеряков А.Н. Древняя Япония: культура и текст. М., 2006.

Мещеряков А.Н. История Древней Японии. СПб., 2002.

Пасков С.С. Япония в раннее средневековье 7-12 вв. М., 1987.

Радуль-Затуловский Я.Б. Конфуцианство и его распространение в Японии. М.; Л., 1947.

Ратти О., Уэстбрук А. Самураи. М., 2007.

Светлов Г. Путь богов (синто в истории Японии). М., 1985.

Светлов Г. Колыбель японской цивилизации. М., 1994.

Спеваковский А.Б. Самураи – военное сословие Японии. М., 1981.

Тернбулл С. Самураи. Военная история. СПб., 1999.

Толстогузов А.А. Очерки истории Японии. VII-XIV вв. Становление японского феодализма. М., 1995.

